

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Неизвестная
пьеса Агаты
Кристи несет
в себе
проклятие...

Елена АРСЕНЬЕВА

Неизвестная пьеса Агаты Кристи

Артефакт & Детектив

Елена Арсеньева

Неизвестная пьеса Агаты Кристи

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Неизвестная пьеса Агаты Кристи / Е. А. Арсеньева — «Эксмо»,
2019 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-100265-7

В одном студенческом театре поставили неизвестную пьесу Агаты Кристи, которую руководительница театра обнаружила в старом журнале и сама перевела с английского. Ей бы задуматься, почему творение великой писательницы не нашло своего режиссера на родине и даже не вошло ни в одно собрание сочинений! Но кое-что начало проясняться, когда все участники спектакля через двадцать лет начали один за другим погибать – причем именно так, как умирали персонажи, которых они играли. По ходу пьесы они чудом спаслись и хохотали над обманутой Смертью... однако, получается, она теперь взялась мстить? Да, легко уверовать во вмешательство потусторонних сил, однако Женя Кручинина, сотрудница частного детективного агентства, в этом сомневается. Почему? Да потому, что один из бывших актеров был убит на ее глазах, да и тот, кто едва не прикончил единственную свидетельницу в темном подвале, мало напоминал призрака... Ранее роман был издан под названием «Смерть тебе не изменит».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100265-7

© Арсеньева Е. А., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Письмо первое	7
Письмо второе	13
Письмо третье	21
Письмо четвертое	28
Письмо пятое	36
Письмо шестое	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Елена Арсеньевна Арсеньева

Неизвестная пьеса Агаты Кристи

© Арсеньева Е.А., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

В жизни все повторяется гораздо чаще, чем можно подумать.
Агата Кристи

Время шло к девяти, но солнце как бы и не собиралось садиться: щедро било в глаза золотистыми лучами.

К городу то и дело проносились автомобили, вздымая раскаленные вихри, которые заставляли коротенькую Женину юбочку взвиваться еще выше. Из открытых окон до нее доносились поощрительные крики и недвусмысленные жесты, но она только отмахивалась, всем своим видом являя нетерпеливое ожидание кого-то, кто вот-вот должен появиться со стороны города.

Ну вот, наконец-то! Синее пятнышко, несущееся с пригорка, увеличилось в размерах настолько, что стало ясно: это тот самый «Мерседес», хозяина которого она заждалась.

Женя перевела дыхание, тряхнула длинными рыжими локонами, пронизанными солнцем, расправила плечи, по которым пробежала дрожь. Да ладно, все пройдет нормально с этим господином Неборсиным! В конце концов, он у Жени первый, что ли? Обыкновенный очередной бабник. Желает его супруга поймать мужа на месте преступления – пожалуйста, будет сделано. Через час, самое большее, Неборсин появится на даче с хорошенькой спутницей, так что мадам останется только возникнуть в условленную минуту. Техническая служба обеспечит аудио- и видеозапись волнующей сцены, которая, впрочем, не дойдет до логического завершения: это уже за пределами профессиональных обязанностей Жени. Провоцировать мужчину – пожалуйста, а остальное – на усмотрение супруги и судей в бракоразводном процессе. Но это потом. Сейчас же ее задача – остановить «мерс» и так завести клиента, чтобы опрометью ринулся нарушать супружеский долг! Вон, даже всякие психологи-сексологи уверяют, будто в генах каждого мужчины «записано» стремление рано или поздно сменить любимую женщину. А уж нелюбимую-то... Видимо, не любит Неборсин жену, если меняет «ночных бабочек» как перчатки. Вдобавок ему как раз тридцать пять, а это один из возрастов, запрограммированных на измену!

Синий «мерс» остановился перед светофором.

«Замечательно, – подумала Женя. – Пускай пока что на меня полюбуется. О таком выгодном освещении девушка может только мечтать!»

Да, она знала, что вся блестит сейчас, будто золотая статуэтка, в свете угасающего дня. Даже неловко стало: не искушай малых сих, сказано в Писании, а что она собирается проделать с этим несчастным ловеласом? Ну что ж, работа такая. Вот сейчас она поднимет руку, тряхнет сияющими локонами...

«О нет! – мысленно вскричала Женя в следующее мгновение. – Только не это!»

Высокий мужчина вышел из-за кустов и, приблизившись к «Мерседесу», знаком попросил водителя опустить стекло. А если он попросит Неборсина подвезти и тот согласится?! Тогда Женя снова останется ни с чем, и теперь-то Грушин наверняка ей голову отъест.

Главное дело, ничего толком не разглядишь. Осветитель-солнце вдруг сделалось врагом: так било в глаза, что Женя видела только силуэты.

Вот черный, как тень, Неборсин потянулся влево, приспустил стекло. Незнакомец склонился, оперся на дверцу, что-то сказал или спросил, а потом выпрямился, прощально махнул

рукой – и неторопливо скрылся в рощице, которой близкие сумерки придавали густоту дремучих зарослей. Слава богу, значит, это не попутчик-конкурент! Женя воспрянула духом.

Красный свет сменился зеленым, однако «Мерседес» не тронулся с места.

Интересно бы знать, чем озадачил незнакомец Неборсина, какой-токой вопрос ему задал, если тот погрузился в столь глубокое раздумье? Или что-то случилось с управлением?

Мимо проскочил «Форд», спеша на зеленый свет. Миновал застывшую на перекрестке машину... И вдруг тормознул, резко сдал назад. Жене было видно, как водитель выскочил на шоссе, припал к стеклу «Мерседеса», схватился было за дверь, но тотчас отдернул руки, будто его шибануло током, вскочил в свой «Форд» – и взял с места такую скорость, что уже через мгновение растворился в золотистом закатном мареве.

Что же так напугало «фордиста»? Или Неборсин просто сказал ему пару теплых слов: не мешай, мол, думать о жизни, езжай, куда ехал.

Как-то слишком надолго он задумался: силуэт как привалился к правой дверце, так и не движется...

Внезапно Женя поняла, что это значит. И все время, пока она, подворачивая на высоких каблуках ноги, стремглав летела по шоссе, она заранее знала, что увидит, когда заглянет в салон: Неборсина с простреленной головой. Мертвого.

Так оно и оказалось.

Письмо первое

Дорогой Эдмунд!

Твое предложение меня просто поразило. Неужели ты думаешь, что я когда-нибудь дам согласие на публикацию этой нелепости? Она была написана в таком состоянии, которое нельзя открывать людям, если не хочешь утратить их расположение.

Поэтому, огромная просьба, больше не заговаривай со мной об этом так называемом творении.

Твоя Агата.

– Эй, дитя мое! Пора бы и проснуться!

Женя с усилием подняла взлохмаченную голову, поглядела слипающимися глазами:

– Отстань...

Ярко-розовая фигура качалась перед глазами, подобно рассветному облаку, исторгая сочный хохоток:

– Вздремнула, что ль?

– Да так, немножко. – Женя помассировала затекшую шею. – Чего тебе?

– Мне? – Фигура ткнула себя пальцем в необъемную грудь. – Мне лично – только прибавку к зарплате. Но ради таких пустяков я бы не стала тебя дергать. Однако Грушин...

– Что, уже вызывает? – тоскливо зажмурилась Женя. – Ну зачем ты меня выдала?! Не могла сказать, что я умерла?

– Ты забыла, где кинула свои костоньки? Как, скажи на милость, Грушин пройдет в кабинет, минуя собственную приемную? Разумеется, он тебя сразу увидел. И велел подать на ковер.

– Он совсем плохой, да?

– Да уж, не хороший, – весело кивнула Эмма, известная своим глубоким пофигизмом. – Я и то задрожала в коленочках. Одно дело Левушке отовратиться, когда с утра трезвонит, и совсем другое, знаешь...

– Левушке?! – вскинулась Женя. – Что, Лев звонил? И ты меня не позвала?!

– Сама же сказала: тебя нет ни для кого.

– Кроме Льва! – У Жени вырвалось невольное рыдание. – Я же тебе всегда говорю: ни для кого, кроме Льва!

– А сегодня не сказала, – упрямо отозвалась Эмма. – И хорошо. Пусть он подергается. И вообще – давно пора его послать куда-нибудь... в облака! Ветра ему попутного – на всю оставшуюся жизнь. Сколько можно это терпеть?!

– Ой, не будем, ладно? – чуть ли не взвыла Женя и вошла в кабинет начальника с таким унылым выражением, что оно было способно вышибить слезу у любого мало-мальски сердобольного человека.

Однако именно этим качеством никак не отличался широкоплечий мужчина, стоявший у окна тесноватого кабинетика. Обернулся, и на Женю вприщур глянули мрачно-серые глаза:

– Я сейчас как раз спрашивал себя, не удержать ли из твоей зарплаты сумму всех тех взяток, которые мне пришлось раздать, чтобы вывести тебя из этого дела.

– Ну, тогда мне останется только на панель идти, – прошелестела Женя, надеясь повеселить начальство, однако тут же получила прямо в солнечное сплетение:

– А какой с тебя там прок? То, что ты ледышка, я знаю лучше других. И вообще, таким дурам на панели не место. Любая нормальная шлюшка на твоем месте мчалась бы от того клятого «мерса», как наскипидаренная, а ты что натворила?! Ладно – подошла, ладно – заглянула.

Но ты еще вызвала, дуреха, полицию и «Скорую». Ты назвалась! Ты... – Он подавился простым крепким матом. – Ты дождалась их приезда и начала давать показания!

– Грушин! – не выдержав, возмущенно вскричала Женя. – Ну не могла же я бросить этого бедолагу с простреленной головой на шоссе!

– Не могла, – резко кивнул директор. – Но разве я тебе об том толкую? Ты обязательно должна была сообщить об убийстве. Но не куда попало, а только мне. Мне! А уж я решил бы, что делать дальше. Но, боже мой, как идиотски, как бездарно ты все состряпала! Знаешь, какова одна из версий следствия? Супруга Неборсина кого-то наняла, чтобы избавиться от гуляки-мужа. Удивлюсь, если ты не пройдешь как соучастница.

– Ой, не могу больше! – прошелестела Женя. – Сесть можно, или ты хочешь, чтобы я умерла стоя?

Грушин зло оскалился, что означало: шутки здесь неуместны:

– Нечего рассиживаться. Вали отсюда. Поработаешь в Манеже. Знаешь, в Высоково?

«Работа! Наконец-то! Меня не выгоняют!»

Сердце подпрыгнуло от радости, но вид на всякий случай Женя по-прежнему сохраняла самый печальный:

– На конюшню ссылаете, барин? Ладно, наше дело холопые. А там что?

Грушин протянул ей конверт:

– Там дело, которого даже ты, крошка, не запорешь. Вот, взгляни. Запись телефонного разговора с мадам, точная формулировка задания и все такое. Деньги на первые десять занятий верховой ездой. Может быть, справишься и раньше, хотя...

Он с сомнением оглядел Женю, и она сочла за лучшее проглотить обидный намек.

– Хорошо. Кстати, я хотела спросить... – Она сделала робкий шаг к столу, но наткнулась на каменный взор и шарахнулась на два шага назад: – Как все-таки насчет полиции? Ведь я, строго говоря, единственный человек, видевший убийцу. Хотя бы издали.

– Успокойся, не единственный, – потряс какой-то бумажкой Грушин. – Мне удалось снять копию с показаний некоего Гулякова, бомжа по месту жительства и образу действия. Говорящая фамилия, да? Этот Гуляков чуть ли не весь день валялся на обочине, в траве, как раз рядом с местом преступления, и он побольше твоего успел увидеть. Правда, поначалу, поняв, что случилось, этот тип махнул подальше от неприятностей. Поэтому тебя, на счастье, не приметил, а осознал свой гражданский долг, когда тебя там уже не было. Так что твои показания не будут подшиты к делу, а вызов полиции параллельно с тобой сделал хозяин «Форда». Его данные в полиции есть. Твои положены под сукно. Анонимность нашей работы сохранена!

Грушин так трясется над этой анонимностью! Главное дело, было бы хоть настоящее детективное бюро, типа «Арсенала» или «Суперагента», где работают профессионалы, составляющие мощную конкуренцию органам. Но ведь, при громком названии, специализация у «Агаты Кристи» не бог весть какая: адюльтеры, шантаж, телефонное хулиганство, мелкие махинации на бытовом уровне... Но и Грушину, и Жене нравилась эта работа!

Строго говоря, Грушин старался не принимать заданий по телефону. Гарантируя клиентам полную сохранность их личных тайн, он настаивал на обязательном визите в фирму. Соглашался встречаться и на нейтральной территории. Он говорил, что непременно должен поглядеть заказчику в глаза, чтобы увериться: частное сыскное агентство «Агата Кристи» не окажется замешанным в грязном или сомнительном деле, а то и прямом преступлении, замаскированном обыкновенной «бытовухой».

Однако семейная история Климовых оказалась нетипичной. Валерия Климова узнала о неверности супруга буквально по пути в аэропорт, отправляясь в зарубежную командировку. Уже в машине она спешно вскрывала скопившуюся за несколько дней служебную корреспонденцию. Среди вороха рекламных проспектов и прочей чепухи оказалась анонимка...

Грушин по опыту знал: на этот вид информации люди реагируют не менее болезненно, чем на письма или звонки конкретных авторов. А то и более! Кто-то неведомый, невидимый посвящен в самые сокровенные, а порой и постыдные тайны твои и твоих близких... Знать об этом мучительно! К тому же очень многие анонимки несут в себе достоверную информацию. А уж какие чувства движут «писателем» – вопрос десятый.

Валерии Климовой информация анонимщика показалась не просто достоверной, а очень достоверной. Было приведено слишком много деталей, чтобы усомниться. Причем не отвратительных деталей адюльтера (в этом смысле неведомый «доброжелатель» оказался на диво тактичен), а именно деталей климовской натуры. Этот надменный молчун, ее муж, как живой, представал на страницах письма. Валерии, а потом и Грушину, когда ему зачитали текст анонимки, даже показалось, что соблазнительница сама донесла на своего приятеля. Бывало и такое, ни одной версии нельзя отметить при расследовании, справедливо рассудил Грушин. Но это потом. А сначала он все-таки принял заказ по телефону, уступая не слезам и отчаянию (Валерия Климова не плакала и вела себя достойно, хотя в голосе ее звучала истинная боль), а необычайной убедительности ее тона. Самым же весомым доводом оказалась сумма гонорара и готовность сделать половинную предоплату. Что и произошло часа через два: посыльный, назвавшийся шофером Климовой, привез в конверте деньги.

Дело представлялось Грушину не слишком замысловатым. И хотя такие элементарные слежки проводили обычно стажеры, а Женя Кручинина считалась достаточно квалифицированным агентом, Грушин не мог отказать себе в удовольствии поставить ее «в угол». Тому были свои причины, и промах с Неборсиным имел к ним всего лишь небольшое отношение.

– Вы что, в *этом* собираетесь кататься?!

«Это» были шорты – отличные, цвета морской волны. Девочка-берейтор Алиса смотрела на них с отвращением:

– Вы себе все ноги о седло сотрете. Знаете, как сильно нужно сжимать коня коленями? Иначе он вас слушаться не будет. А седло – оно ведь очень грубое. Нет, это не пойдет. Нужно что-то вроде лосин. А лучше бриджи специальные, для верховой езды.

– Ну вот, здрасьте, – огорчилась Женя. – А я так хотела сегодня прокатиться. Где же я сейчас бриджи возьму?

– И в кроссовках – не лучший вариант, – продолжала неумолимая Алиса, которая, похоже, задалась целью во что бы то ни стало помешать Жене приступить сегодня к выполнению задания. – Они не мобильные, они бесчувственные, в них вы не будете, как надо, стремя ощущать. К тому же при падении можете зацепиться за стремя язычком, и это для вас очень плохо кончится!

Женя представила, как валится с коня и цепляется за стремя... Она поклялась себе держать язык за зубами и даже сейчас на всякий случай покрепче стиснула рот.

– Да я про язычок кроссовок говорю, – с презрением глянула Алиса. – Ну ладно, для начала их можно оставить, только на будущее все равно придется позаботиться о сапогах для верховой езды. А вот шорты придется снять.

– Но у меня там только трусики, – стыдливо шепнула Женя, вспоминая кружевной треугольник, для которого даже уменьшительно-ласкательный суффикс был великоват.

Неужели придется уйти ни с чем? Что с ней сделает Грушин?!

Очевидно, страх перед начальником отразился на ее лице, потому что суровое Алисино сердце вдруг смягчилось:

– Ладно, наденете мои бриджи. Я все равно не ездить буду, а вас на корде водить, а потом, когда уйдете, – переоденусь.

Женя испуганно посмотрела на Алису, которая подала ей какие-то узкие и короткие штаники. Это же не бриджи, а ползунки младенческие! В Алисе полтора метра росточку и не более тридцати килограммов весу. Это эльф, но Женя-то не эльф...

Впрочем, после пяти минут стонов, охов, вздохов и подтягиваний Женя поняла, что даны ей были не простые штаны, а сшитые из шагреновой кожи. Вполне возможно, окажись здесь Эмма, Алисины «ползунки» пришлись бы впору и ей.

Чувствуя себя в настоящих кавалерийских бриджах необычайно лихо, Женя взвалила на плечо седло с надписью «Лоток» и вслед за Алисой отправилась в конюшню, где ее ожидал вышеназванный скакун.

– Первым делом запомните, – поучала на ходу Алиса, – никогда не приближайтесь к коню сзади. Может лягнуть и даже насмерть зашибить, совершенно не желая этого.

Вдруг она прижалась к металлической стенке, сделав Жене знак:

– Осторожно, пропустите!

Из денника с надписью «Балтимор» вышел, ведя в поводу длинноногого рыжего коня, надменный мужчина в идеально сидящих бриджах, синей ковбойке, кокетливом шейном платочке и кепи. На его ладных сверкающих сапогах, облегающих ноги как перчатка, нежно позванивали маленькие шпоры.

– Пижон, – проворчала вслед Алиса. – Терпеть не могу таких вот, со шпорами.

Вдруг рыжий конь малость замедлил свое важное шествие, задрал хвост и свалил на бетонный пол сочащуюся паром кучку.

Алиса хихикнула, сморщив нос.

– Надо бы убрать, – сказала она, нерешительно оглянувшись, и двинулась было к лопате и метле, прислоненным к стенке, но тут дверца ближнего пустого денника отворилась. Возникла сутулая фигура в замызганном трико и громоздком брезентовом фартуке, с двумя совками в руках. Терпеливо склонив кудлатую голову, фигура подобрала дар Балтимора и проследовала с ним во двор.

– Спасибо, дядя Вася, – с облегчением сказала Алиса. – Или это Ваньч?... А, все равно спасибо. Хотя убирать следует тому, кто в данную минуту выводит лошадь. – Она проводила неприязненным взглядом надменную фигуру в кепи. – Пижон, новый русский. Что вы так на него уставились? Ничего особенного, форс да шпоры.

Женя задумчиво кивнула. Ну вот она и увидела своего клиента... Интересный мужчина, чем-то похож на покойного Неборсина. Такой же знающий себе цену. Правда, что форсу много! И ему тоже тридцать пять. Критический возраст супружеских измен! По счастью, его не надо провоцировать на проверку супружеской верности. Судя по информации, адюльтер здесь в разгаре. В данном случае Жене предстоит только слежка. В сочетании с полезным и приятным времяпрепровождением – верховой ездой...

Как выяснилось, корда – это длинный ремень, на котором тренер водит по кругу лошадь с неопытным всадником, следя за его посадкой. Неопытным всадником была Женя, ну а тренером – крошка Алиса. Своими маленькими ручками, обладавшими железной хваткой, она без труда контролировала натяжение корды и громогласно поучала Женю:

– В седле не заваливаться! Зад подберите! Не натягивайте повод! Вы хотите, чтобы у вас лошадь бегала, или просто сидеть хотите? Не теряйте стремя! Работайте ногами, зачем вам вообще ноги даны? – И все в таком же роде.

Как выяснила Женя, главная часть ее ног – от колена до пятки. Называется это – шенкель, и дарован он судьбой вовсе не для того, чтобы любоваться стройностью его очертаний. Шенкелями следует изо всех сил сжимать лошадиные бока, заставляя животное двигаться. По определению Алисы, у Жени оказались не шенкеля, а кисель. И она терпеливо снесла обиду.

Все-таки последние два дня ее только и делали, что критиковали все, кому не лень, было время привыкнуть.

Серый в яблоках Лоток оказался существом незлобивым, но ленивым и своевольным. Над шенкелями Жени он просто-таки смеялся. В конце концов она признала свое поражение и сделала вид, что всю жизнь мечтала именно об этом: или стоять (сидя при этом в седле) где-нибудь в уголке, или мотаться на Лотке туда-сюда по манежу, мешая тренерам работать, а наездникам – скакать. Конечно, даже от такой верховой езды можно было получать удовольствие. Но выполнять задание...

Неведомо почему, Лоток особенно любил климовского Балтимора, и сколько раз он норовил приткнуться к его рыжей морде, было просто невозможно сосчитать. Благодаря этому слежка была безнадежно провалена. Теперь Женя была уверена: даже если она встретится с Сергеем Климовым через год, скажем, в перенабитом людьми московском метро, он все равно узнает ее сразу.

Но всему на свете приходит конец. Кончилось и это мучение.

Климов, очевидно, сочтя день потерянным, картинно спрыгнул с коня и, бросив на прощание тренерше Светлане: «Завтра я приеду в шесть, так что вы Балтимора никому не отдавайте», передал повод усатому парню, ждущему своей очереди покататься.

Тут же появилась Алиса и сообщила, что время наслаждаться стремительной скачкой истекло. Женя побрела переодеваться в свои бесполезные шорты.

Она всю себя ощущала сейчас именно такой: бесполезной и бестолковой. Правда, удалось выяснить, что Климов ни с одной из пятерых здешних девушек не флиртовал, даже не улыбался им – и уехал домой один в своем навороченном «Форде Мустанге» с серебристыми силуэтами диких коней на дисках.

Очень хотелось поверить, что последняя фраза насчет завтрашнего дня была сигналом о предстоящем свидании, но вот беда: Света оказалась самой невзрачной из всех тренеров. Мужиковатая, нескладная, с грубыми чертами толстощекого лица, она едва ли могла привлечь внимание такого утонченного денди, как Климов.

Очевидно, отпадала и Алиса. Она еще совершенно ребенок, а в анонимке речь шла о какой-то «красотке-амазонке». Красотками были три остальные тренерши: Аня, Лиза и Маша. Но при Ане находился молодой муж, сидевший на трибунах для зрителей и стороживший взглядом каждое ее движение. Значит, Лиза или Маша?

Работал манеж до восьми вечера. Женя не поленилась подождать час, чтобы понаблюдать, как обе молоденькие тренерши, сцепившись под ручку, бегут по извилистым горкам Высокова, мимо кладбища, мимо церкви, мимо утонувших в садах домишек к автобусной остановке. Здесь подружки расстались, наскоро чмокнувшись в щеки. Лиза уехала на девятнадцатом, Маша осталась ждать сорок седьмого. Из чисто эгоистических соображений (сорок седьмой был и ее маршрутом) Женя тоже осталась. Однако она сделала ставку не на ту лошадку: Маша доехала до вокзала, а там чуть ли не бегом бросилась к электричке на Тарасиху.

«Может быть, они встречаются на природе? – мелькнула мысль. – Климов приезжает на „Форде“, а Маша, для конспирации, на электричке?»

С запасного мобильного, в котором была отключена функция определения номера, Женя позвонила по домашнему телефону Климова.

– Алло! – сразу ответил он. – Алло! Ничего не слышно! Лера, Лера, если это ты, перезвони, я ничего не слышу!

Вот те на, подумала Женя, отключаясь, Климов-то какой добропорядочный супруг оказался, с ума сойти! Сидит дома, караулит звонок родной жены. Может быть, конечно, он не один. Может быть, Лиза где-нибудь пересела на другой маршрут, приехала в Кузнечиху к любовнику...

Впрочем, по сведениям Грушина, Климовы жили с матерью Валерии и двумя детьми. Разве что семейство на даче и у Сергея Владимировича развязаны руки? Женя подумала-подумала и опять набрала тот же номер.

На сей раз зазвучал голос немолодой женщины:

– Аллю?

– Льва позовите, пожалуйста! – бухнула Женя первое, что пришло в голову.

– Какого Льва? Вы куда звоните? – испугалась климовская теща.

– Бенгальского. В зоопарк, – уныло ответила Женя на оба вопроса, вешая трубку и думая, что зря Грушин ее все-таки не уволил! Одно из основных этических правил разработки возможного адюльтера – без согласования с заказчиком не провоцировать и не усугублять ситуацию. А Женя только что обошла это правило, даже не чихнув. Обскакала, можно сказать, если использовать актуальную терминологию. Тещи и жены очень болезненно воспринимают такие вот анонимные звоночки. И если Климов, к примеру, не появится завтра в манеже, Женя будет знать, кто в этом виноват.

Но не теща Климова. Она сама!

Письмо второе

Дорогая Агата!

Мне казалось, ты достаточно повзрослела и обрела довольно уверенности в себе, чтобы с уважением относиться даже к своим ошибкам. Хотя я вовсе не считаю эту пьесу твоей ошибкой. Если бы ты поработала с ней, хотя бы совсем чуть-чуть! По-моему, есть смысл изменить героев, сделать их более английскими... Я бы переименовал также место действия. А этот ковбой с Дальнего Запада кажется мне совершенно чуждой фигурой. На его месте должен быть кто-то более английский. Прошу прощения, что нарушаю твое требование больше не заговаривать об этой пьесе, но, надеюсь, ты меня простишь. Я все-таки твой бессменный литературный агент уже долгие годы и рассчитываю на твое доверие и снисхождение.
Твой Эдмунд Корк

Телефон зазвонил, когда Женя сидела в ванне и успокаивала себя тем, что день кончился – после расслабляющей ванны сразу в постель!

– Слушай, ты, когда у Грушина была, ничего с его стола не прихватила ненароком? – напористо начала Эмма.

– Привет, – усмехнулась Женя, – на добрую память, что ли?

– Тебе лучше знать. Пропала какая-то бумажонка, сам небось засунул, знаешь куда, а со всех скальп снимал. Ну ладно, до утра.

– А какая бумага-то? – из вежливости спросила Женя, но опоздала: Эмма уже повесила трубку.

Она вытиралась, когда телефон зазвонил снова.

Грушин!

– Как дела?

– Пока ничего конкретного, – осторожно ответила Женя. – Объект очень осмотрителен. Девушку я вообще затрудняюсь вычислить.

– Ну, не теряйся там, – удивительно миролюбиво посоветовал Грушин. – Кстати, я тут поговорил со своим дружкой из полиции насчет Неборсина. Помнишь еще такого?

– Как не помнить? – вздохнула Женя, покачав головой: ну и шуточки у начальника! Барбос!

– У них есть совершенно определенная версия насчет каких-то автозаводских разборок. Что-то там с дочерними и дилерскими фирмами. Похоже, обычная история: не поделили денежки. Так что не дергайся, тебя не будут вызывать.

– Да я и не особенно дергаюсь, – с искренним облегчением ответила Женя. – Спасибо тебе большое.

– Стакан, – отозвался Грушин, который иногда любил строить из себя «пинжака», но тут же спохватился: – Ах да, слушай, я в твой конверт с заданием не положил, случайно, еще один листочек?

– Нет, – покачала головой Женя. – Что вы с Эммой на меня хором набросились? Но если хочешь, я проверю, только подожди две минуты, пока вытрусь.

Она тут же прикусила язык, но было уже поздно.

– Ты что, из ванны? – мрачно спросил Грушин. – И раздета небось?

– Одета, – огрызнулась Женя. – И застегнута сверху донизу.

– А как же ты мылась, одетая? – назойливо удивился Грушин. – Вещички попортишь – не жалко?

– А я в водолазном костюме, – сквозь зубы сообщила Женя. – Знаешь, такой огромный, тяжеленный, со шлемом.

– И с резиновыми шлангами?

Наконец-то в голосе Грушина перестали звучать эти нотки умирающего лебедя, от которых Жене хотелось на стенку лезть.

– С ними, Грушин, – хихикнула она, чувствуя, как отлегает от сердца.

Но, как выяснилось, преждевременно. Грушин помолчал-помолчал, потом выдавил:

– Все-таки я тебя когда-нибудь убью.

И положил трубку.

Женя вылетела из ванной, задыхаясь от злости. «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь», вот уже воистину! Устроить это очень просто: всего-навсего уволиться.

И что потом? Опять оказаться в том же состоянии растерянности перед жизнью, которое владело ею два года назад, когда она в буквальном смысле спустилась с небес на землю и бродила по этой земле, не зная, куда приткнуться?... Да, ее звали на прежнюю работу в юридическую консультацию, звали на кафедру международного права, где она когда-то защищалась, но все это казалось такой преснятиной! И вдруг выпал из гиперпространства старинный приятель Грушин со своей сыскной конторой по имени «Агата Кристи». Женю словно бы в театр пригласили, но не смотреть спектакли, а играть в них ведущие партии. Жалко бросать...

В дверь позвонили.

– Кто? – угрюмо спросила она, взглянув в глазок, но на площадке никого не обнаружила.

– Кто там?

Тишина.

Ага, понятно. Любимые грушинские приколы! В прошлый раз он терзал звонок до тех пор (молча, заметьте себе!), пока Женя не плюнула и не открыла... для начала нажав на кнопку газового баллончика. Когда прочихалась, обнаружила на площадке растаявший торт-мороженое и букет. После этого появился чихающий Грушин. Ну и что? Просидели вечер, глядя каждый в свой кофе и пытаясь зачерпнуть шоколадно-розовую жижу, в которую превратился торт!

Нет, сейчас она не откроет. И даже если он назовется, даже если встанет перед глазком навтыжку – не откроет все равно!

Однако в дверь больше не звонили.

Про сон теперь и думать не хотелось. Послониалась по квартире, подумала, не позвонить ли маме (та ухаживала в Москве за больной сестрой). Нет, они обе уже спят. Ужасно хочется с кем-нибудь пообщаться! А подруг, считай, нет, все они куда-то улетучились за последние годы. Хотя это она сама «улетучилась», предавшись своим воздушным приключениям. А девчонки жили реальной земной жизнью: повыходили замуж, понарожали деток. Им и дела нет до одинокой Женьки Кручининой, у которой только и осталось, что работа да воспоминания, словно ей не двадцать шесть, а шестьдесят шесть. Впрочем, у нее еще жива надежда, что когда-нибудь удастся сказку сделать былью. Вот именно так – преодолев пространство и простор...

Нет, надо отвлечься чем-то радикальным! Женя включила компьютер и поставила *тот* диск.

И сразу полыхнуло в глаза пламенем! Слишком жаркое солнце в Иордании...

Вот на траве – пока еще зеленой, потому что апрель, а через месяц-другой здесь будет только желтая, выжженная глина – лежит какая-то длинная-предлинная разноцветная тряпка. Стоит хорошенькая желтая корзина, над ней – железный каркас, причем сверху торчит что-то похожее на шлем рыцарей Тевтонского ордена. Это газовая горелка.

А вот и он! В красной каскетке и черной жилетке с надписью на карманчике: *пилот*. Светлые глаза невидяще, сосредоточенно смотрят в камеру, рот сурово сжат.

Огромная разноцветная палатка стоит на земле. Лев ходит по ней, трогает бока, оглядывает. Но это не палатка, это оживающий шар! Лев садится на корзину и, сжимая горелку, будто ручной пулемет, начинает стрелять в колышущуюся, бесформенную массу короткими залпами ревущего пламени. Так надувают шар.

В камеру заглянул, перекрывая Льва, командир отряда парашютистов Марк с его суровым профилем римского легионера и детскими глазами. Помахал рукой, улыбнулся:

– Женечка, привет. Возвращаясь к нам! Эх, прокачу...

А Лев и бровью не повел, только губы сжал крепче. Ему, конечно, не до приветов: шар уже рвется в небо, да с такой силой, что ражих помощников, вцепившихся в веревки, запросто мотает по полю. Еще с десяток здоровенных парашютистов облепили корзину, стараясь при этом не мешать Льву, который уже не сидит, а стоит, напряженно выпрямившись, и все бьет, бьет короткими очередями в просторную полость огромного воздушного существа.

Небо такое ослепительно-голубое, что фигуры кажутся черными, и только шар, пронизанный солнцем, радужно сияет и переливается. И вдруг – раз! – веревки отпущены, помощники посыпались на траву, машут прощально, а шар, сделав восторженный, ошалелый прыжок по земле, взмыл в воздух и пошел, пошел все выше и выше, подталкиваемый короткими струями огня...

На его выпуклых боках был нарисован восточный город, и чудилось, будто все эти минареты, и купола, и кудрявые пальмы сами собой вознеслись в небеса, отправились в воздушное путешествие, захватив с собой единственного человека на Земле.

Она выключила телевизор и побрела в постель. Холодную и исключительно одинокую с тех самых пор, как Женя наконец-то поняла, что жизнь подруги воздухоплователя столь же эффектна, сколь опустошительна. Дитя в корзине шара не родишь. И даже не зачнешь, хотя, было дело, пытались они с Левушкой...

От воспоминаний пробрала дрожь. А может быть, простыни настыли. Вот странно: кругом жара, а постель как лед.

Сон улетучился накрепко. Когда хочется плакать, какой тут сон? Хотя плакать вроде бы особенно не с чего. Они ведь не ссорились со Львом, не прощались навеки. И он сегодня звонил. И обещал, что опять позвонит скоро, скоро. Почему же ее повергла в такую тоску эта запись? Не надо было смотреть. «Старым снам затерян сонник, все равно – сбылись иль нет!» И это правильно, правильно. Но так вдруг захотелось его увидеть...

День тяжелый выдался, вот в чем дело. Вернее сказать, дни тяжелые. А с трудностями бороться Женя, как показывает жизнь, совершенно не умеет. Нет, женщине просто необходимо иногда поплакать. Быть все время сильной – невыносимо. Нужно хоть изредка сворачиваться клубочком и к кому-то прижиматься. И чтобы тебя обнимали при этом и легонько целовали в висок. Но не мама должна это делать, не дочка, потому что ты знаешь, что даже в слезах, даже ослабевшая, ты сильнее их всех, вместе взятых... тем паче, что дочки у тебя отродясь не было, а мама живет в другом городе. Нет, это должен быть мужчина, и не какой-нибудь Грушин, хотя он – ого, только мигни! Нет, только тот, другой... летун, от которого сама же и сбежала.

И все вернулось к исходной точке: бесполезно спорить с унынием, Женя и пытаться не стала. Уткнулась в подушку и предалась слезам, плавно перешедшим в тяжелый сон.

На другой день она пришла в манеж пораньше. Хотела повнимательнее присмотреться к девушкам, пока нет Климова, проследить за их реакцией на его появление. Но Алиса, чуть завидев, налетела, как хищная птица, и, не сказав ни одного доброго слова по поводу чер-

ных легинсов, сменивших злополучные шорты, уволокла ее чистить коня: «А как вы думали? Только развлекаться, что ли?»

Женя, собственно, ничего не имела против. Неоседланный серый Лоток показался ей куда симпатичнее, чем вчера. Грива его оказалась заплетена в косички.

– Домовушка старается или сами балуетесь? – пошутила Женя и удивилась тревожному выражению, промелькнувшему в Алисиных глазах.

– Нет, не мы. Никак не можем разобраться, кто развлекается. Может быть, подметальщики: они у нас меняются каждые две недели, а то и чаще.

– Почему?

– А, зарплата никакая, вот и нанимаются всякие – лишь бы перебиться. И от них больше неприятностей, чем толку. То инвентарь сопрут, то напьются в конюшне. Дядя Вася и Ваныч еще туда-сюда, аккуратные. Денники моют хорошо. А лошадей мы сами чистим, ну, и клиенты. Ничего, это приятно. Вам понравится.

Жене понравилось. Лоток был такой гладкий, такой красивый. И пахло от него хорошо, весело как-то. Сначала он подозрительно косился лиловым, будто слива, глазом, пока Женя принаравливалась к скребнице и щетке, а потом под сильными круговыми движениями прижмурился, начал прядать ушами...

– Пыли в тебе, как в старом диване, – ласково пробормотала Женя, водя щеткой по груди Лотка и уворачиваясь от мягких губ, тянущихся к ее волосам. Может быть, конь решил, что это сено?

– Нравится ему, нравится, – одобрительно кивнула Алиса. – Видите, ушками стрижет? Это самый верный признак, что ему приятно. Как если бы собака виляла хвостом, а кошка мурлыкала. Ну, давайте седлать, хватит ему нежиться.

Тут выяснилось, что забыли вальтрап – такую штуку, подкладываемую под потник, – и Алиса побежала за ней в «каптерку». Женя по-прежнему водила по Лотку щеткой, стараясь закрепить в нем положительные эмоции, чтоб не начал упражняться над ней, как вчера. Одновременно разглядывала сквозь сетку лошадей в соседних денниках. Конечно, это были отнюдь не элитные породы, но Жене они казались неотразимыми.

«На месте художников я рисовала бы только лошадей, – подумала Женя. – Нет, еще облака. Облака и лошадей, летящих между ними, как...»

«Как воздушные шары», – подсказал чей-то ехидный голос. Частенько приходилось его слышать: ведь это был ее собственный внутренний голос. Да, от себя не убежишь...

На счастье, прибежала Алиса с вальтрапом, больше похожим на обыкновенную синюю тряпку, и процесс седлания оказался именно тем, что нужно было Жене, чтобы опять прийти в себя.

А положительные эмоции у Лотка и впрямь закрепились! Сегодня он худо-бедно слушался отчаянных Жениных шенкелей. Правда, со вчерашнего дня жутко ныли мышцы ног, а уж попка болела – спасу нет! Женя с завистью поглядывала на остальных девушек, которые лихо колотились своими твердыми задиками о седла – и хоть бы хны! Все дело в привычке, конечно. Может быть, у них закружились бы головы в корзине воздушного шара, парящего в немыслимой голубой высоте. А вот у Жени не кружилась!

Она очнулась от ненужных воспоминаний и обнаружила, что Лоток стоит посреди манежа, рядом с невысоким тренировочным барьером, словно решая: прыгать через него или нет?

– Э, вам еще нельзя! – раздался веселый голос, и Лиза, гонявшая по кругу гнедого конька, натянула поводья рядом с Женей. – Рановато!

– Вы мне льстите, – усмехнулась та. – Лоток меня старается оберегать. Я не могу его заставить даже шаг ускорить, какие уж тут прыжки.

Лиза взглянула на нее испытующе, и у Жени мелькнула вороватая мысль, что девушка отлично понимает, зачем неловкая всадница таскается в манеж. Конечно, это была полная чепуха, потому что через мгновение в глазах Лизы не осталось никакого напряжения, а только приветливая улыбка.

– Ну, ну, Лоточек, чего это ты разленился? – напористо сказала Лиза, и Женя невольно восхитилась ее смуглой, диковатой красотой. – Слушаться надо. Не хочешь? Ну и дурак. А вы возьмите палочку.

И Лиза показала Жене тоненький прутик сантиметров пятьдесят длиной.

– А ему не будет больно? – спросила та с опаской.

– Да вы что? – засмеялась Лиза. – У него, знаете, какая толстая шкура? Это для него так, легкая щекотка. Например, если вы хотите приласкать коня, то гладить его бесполезно: это не кошка, он ничего не почувствует. Надо крепко похлопать по шее. А чтобы причинить боль... – Лиза покачала головой. – Держите хлыстик. Увидите, дело сразу пойдет лучше, этот увалень вмиг оживет.

Она протянула Жене прутик, и та беззаботно взяла...

– Нет, не поднимайте, не поднимайте! – предостерегающе воскликнула Лиза, но было уже поздно.

Сказать, что увалень Лоток ожил, – значило ничего не сказать! Прямо с места он взял такой рысью, что Женя, резко взлетавшая над седлом при каждом скачке, только чудом возвращалась обратно. Она что было сил стискивала ногами лошадиные бока, чтобы удержаться, однако это были те самые шенкеля, крепости которых ей прежде так не доставало. Теперь они, похоже, получались какие надо, потому что Лоток скакал все быстрее.

– Остановите коня! – вскрикнула Лиза, но Лоток не останавливался. – Поводья, поводья натяните!

«Ах да, поводья!»

Женя вскинула руки с зажатыми в них поводьями, и Лоток, как ни странно, послушался, приостановил свой взволнованный бег.

Лиза подскакала, встревоженно заглянула Жене в лицо.

– Ой, да ведь нельзя палочку над конем заносить, – сокрушенно сказала она. – Похлестывайте по бокам, и все. Я не успела предупредить, вы уж извините. Испугались?

– Нет, – сказала Женя и удивилась, поняв, что это правда. – Но мне все время казалось, что при следующем скачке я не вернусь обратно в седло.

– Привыкнете, – улыбнулась Лиза, наклоняясь к ней. – Только вы поводья так не распускайте, перехватите, они слабо натянуты.

Она вдруг ласково погладила худым смуглым пальцем по Жениному кулаку, и та близко увидела ее ласковые, ну очень ласковые черные глаза, чуть приоткрытые губы, по которым вдруг проворно скользнул кончик языка...

И невольно отпрянула.

Лиза тут же выпрямилась, отстранилась:

– Вот так и держите кулачок, стаканчиком. И опустите руки на край седла, удобнее будет.

Она кивнула и, больше не оглядываясь, повела своего гнедого в галоп по кругу. Изящная фигура, крепкая посадка, черная волна волос летит за плечами – амазонка, ну истинная амазонка.

Вот именно! Навидалась Женя таких амазонок, когда одно расследование занесло ее в клуб «Розовая пантера»! Еле смылась оттуда!

Довольно противно, а с другой стороны, еще одна кандидатура проверена. Лизу смело можно вычеркивать из списка гипотетических климовских подружек.

Сегодня было не так одуряющее жарко, как вчера, и народу в манеже прибавлялось. С трибун наблюдали десятка два зрителей. А Климов все не появлялся. Балтимора, любителя лягаться, тоже не было видно: его, наверное, оставляют для постоянного клиента.

– Алиса, скажи там, чтобы ворота закрыли, – приказала Света, водившая на корде игристую кобылку. – Уже восьмой час, вряд ли кого-то сможем принять. Пока почистят, пока оседлают, времени покатаются не останется.

– Я схожу, – предложила, легко спешившись, Маша. – Мне как раз позвонить нужно.

Женя задумчиво проводила ее взглядом. А если Маша побежала звонить Климову? Скажем, забеспокоилась, что его нет... Не пойти ли незаметно за ней, не послушать ли, что за разговор произойдет? Но вдруг Климов прямо сейчас появится?...

Внезапно раздался окрик:

– Лоток! Ваше время вышло. Будете доплачивать? – Суровая Света спохватилась!

– Нет, на сегодня хватит, – ответила Женя. – Коня отвести в денник?

– Я сама покатаюсь, – с удовольствием сказала Света. – Пусть Лоточек немного попрыгает, а то он второй вечер как неживой.

Это была рассчитанная плюха в адрес неуклюжей всадницы, но Женя стерпела ее почти с удовольствием: женщины и должны не любить женщин, так задумано природой.

– Эй! – окликнула Света уже с седла. – А поощрить Лотка?

И правда! Женя растерянно оглядела барьер, ограждающий манеж, ища сумку. Там яблоко. Лотка обязательно нужно угостить – и в знак признательности, и закрепляя все те же положительные эмоции.

– Наверное, вы сумку около денника оставили, – подсказала догадливая Алиса. – Идите через боковую дверь, здесь до конюшни рукой подать.

Эх, жаль, «каптерка», куда ушла Маша, совсем в другой стороне! Но делать нечего: не угостишь Лотка – упадешь в глазах тренеров ниже низшего. А ее рейтинг здесь и так почти на нуле. Значит, в первую очередь – Лоток.

Она вбежала в конюшню и сразу услышала сердитое ржание. У коней, оказывается, тоже бывает неважное настроение.

А вот и сумка – лежит себе под охапкой сена. Женя наклонилась – и чуть не упала от неожиданности, так загрохотали конские копыта по металлической стенке денника. Да это Балтимор неистовствует!

– Ты что, сдурел? – прикрикнула она строго и погрозила оскаленной морде, приткнувшейся к сетке.

С конем что-то неладно. С чего это он выкатывает налитые кровью глаза и хватает желтыми зубами сетку? И морда в пене... Не взбесился ли? А какую пыль копытищами поднял! Так и садит ногами – не дай бог сейчас оказаться позади него.

– Балтимор, Балтик, – сладким голосом запела Женя, пытаясь успокоить коня. – Чего ты так разоряешься?

Странно, что никто не идет на шум. Хотя в манеже ничего не слышно, а «каптерка» далеко. А уборщики, о которых говорила Алиса? Их и в помине нет.

– Балт, Балтик! – Женя вытащила из сумки яблоко. – Хочешь?

Бросила яблоко на пол и слегка нажала сверху подошвой, чтобы разломилось. Коням трудно жевать твердое и круглое, это она усвоила со вчерашнего дня. Лотку достанется половина. А второй, может быть, удастся утихомирить Балтимора?

Женя опасливо протянула к сетке руку с расплюснутым яблоком. Балтимор перестал ржать и раздул ноздри.

– Ах, молодец! – обрадовалась Женя – и замерла, услышав слабый стон, долетевший из денника.

Подскочила к дверце.

– О господи!..

В углу, на полу, под самой стенкой скорчилась человеческая фигура. Синяя рубашка, бриджи... Климов!

Лежит, прикрывая голову рукой. Неужели Балтимор достал-таки копытом?

– Климов! – крикнула Женя и рванула дверцу денника. Та почему-то не открывалась. Ох, да это ведь щеколда упала!

Женя с усилием подняла ее, и дверца сразу распахнулась. Балтимор ринулся к выходу. Да и черт с ним, пусть бежит. Через забор не перескочит, а устанет, так успокоится. Не то наверняка забьет бесчувственного Климова до смерти, да и Жене перепадет. Беспомощность жертвы, говорят, пьянит не только хищников, а Балтимор далеко не овечка.

Женя отскочила под защиту дверцы и, подхватив валявшуюся на полу метлу, выставила ее вперед, будто вилы. Довольно хилое оружие!

К счастью, дуэль не состоялась: Балтимор вымахнул из денника и поскакал по длинному коридору конюшни, задрав хвост и дико мотая головой.

Женя вбежала в стойло, приподняла обмякшее тело. Да, без сознания, но вполне жив. И даже приходит в себя.

– Климов, да Климов же! – От волнения Женя забыла имя собственного клиента. – Вы можете встать? Очнитесь!

Климов с трудом приподнял веки.

– От...кroyте... – слабо шевельнулись губы. – Выпустите...

– Все уже открыто! Вставайте скорее! Надо выйти из денника!

Она сама не понимала, почему так спешит. Наоборот, теперь, когда ошалелый конь удрал, в деннике было совершенно безопасно. И если запереться, то Балтимор, вздумай он, к примеру, вернуться, уже не зайдет. А тем временем можно и помощи подождать.

Все правильно, но Женя буквально кожей ощущала страх Климова. И, как ни странно, страх Балтимора. Запах этого страха все еще витал здесь. Конь чего-то испугался, до смерти испугался, вот и ошалел. Этот запах – как зараза, Женю вон тоже трясет. И лошади в соседних денниках начали беспокоиться. Нет, надо выбираться отсюда. К тому же Климову срочно нужен врач.

– Ну, попробуйте встать, пожалуйста, я вас не подниму! – молила жалобно.

– Хо-ро-шо, – простонал Климов и неуклюже повернулся на четвереньки, но резко вскрикнул, когда Женя обхватила его обеими руками.

– Что?! – испугалась она.

– Похоже, ребро сломано. Ладно, плюньте, – тяжело выдохнул Климов. – Пошли.

«Пошли» – это было сильно сказано. Кое-как они проволоклись жалкие пять-шесть шагов до двери и вывалились в коридор. И тотчас Климов тихо вскрикнул... и обмяк, выскользнул из Жениных рук на пол, потеряв сознание.

И было отчего!

Прямо за дверцей стоял неслышно подошедший Балтимор – молчаливый и неумолимый, будто карающий мститель.

– Ну... тварь, – прошептала Женя, опускаясь рядом с Климовым и бестолково шаря по полу в поисках хоть какого-нибудь оружия.

Рука попала во что-то мокрое, и Женя брезгливо передернулась. Оскаленная морда Балтимора нависла над ней, нетерпеливо стукнули желтые зубы...

«А лошади больно кусаются?» – успела подумать Женя – и вдруг обнаружила, что длинные зубы тянутся вовсе не к ней, а к раздавленному яблоку, валявшемуся на полу.

Ни жива ни мертва Женя смотрела, как мягкие губы подбирают все до крошечки, потом нашаривают вторую половинку. «А Лотку не хватит», – мелькнула мысль.

– Эй! Что такое? Кто выпустил Балтимора?! – раздался возмущенный крик.

Маша!

Бесстрашно подбежала, что есть силы хлестнула прутом по рыжему запылившемуся боку, закричала, как на собаку:

– А ну, на место!

Балтимор с виноватым видом заскочил в денник.

Женя смотрела на него широко раскрытыми глазами. Будто подменили коня! Если бы не Климов, распростертый на полу, она бы не поверила в то, что здесь происходило.

– Ух ты... – Маша нагнулась. – Балтимор задел?! Вот видите, шпоры нацепил, а с конем обращаться ни черта не умеет! Погодите, не трогайте его, я сейчас за медсестрой...

Она вылетела из конюшни как пуля.

«Да, – устало вздохнула Женя. – Кажется, Машу тоже можно вычеркивать».

Письмо третье

Дорогая Агата!

Не наказывай меня так строго. Сегодня твой муж, очень встревоженный, сообщил, что ты намерена разорвать договор со мной и даже готова выплатить неустойку. Если моя работа тебя не устраивает, ты, конечно, можешь найти другого агента, но... но как же дружба, которая насчитывает столько лет?! Я не хочу тебя терять! Клянусь, что ни словом не обмолвлюсь больше о... ну, ты сама понимаешь, о чем. Умоляю, прости меня.

Твой друг Эдмунд Корк

Грушин смотрел на экран своего ноутбука. А Женя смотрела на его мрачное лицо и чувствовала себя как на угольях.

Наконец Грушин закрыл сейф и обернулся с таким сумрачным видом, что уголья немедленно затлели.

– Я давно хочу дать всем своим сотрудникам кодовые наименования, – буркнул он. – Какмотришь, если тебя назову Белой Дамой?

– А почему? – простодушно удивилась Женя, но тотчас до нее дошло, и уголья запылали вовсю.

Белая Дама... Призрак, классическое английское привидение, которое является людям перед смертью!

– Между прочим, Климов жив, – огрызнулась Женя. – И чтоб ты знал, жив он благодаря мне. Кстати, в отличие от тебя, он это весьма прочувствовал, осознал и был глубоко благодарен.

– Ты что, виделась с ним? – нахмурился Грушин.

– С чего бы это? Нет, в тот же вечер, когда медсестра привела его в чувство и побежала вызывать «Скорую», он вспомнил, как я его из денника вытаскивала. Конечно, бедняга здорово перепугался. Главное, понять не может, что вдруг с конем случилось. Говорит, они с Балтимором всегда были в наилучших отношениях, а тот набросился на него как бешеный. Ни с того ни с сего. Климов его чистил – и вдруг...

– Может быть, боль причинил?

– Может, и так, – согласилась Женя. – Только уж я не знаю, какая это должна быть боль. Кони все-таки не кошки. Нечаянно, скребницей и щеткой, им боль не причинишь.

– А если нарочно?

– Ну, знаешь, это самоубийство. В запертом деннике нарочно разъярить коня? Девочки думают, может быть, там ласка была, в деннике...

– Ласка?! – Грушин прищурился. – Хочешь сказать, Климов любовью там с кем-то занимался на глазах у Балтимора, а тот взбесился, как полиция нравов? Интересный вариант! Кстати, вот и подтверждение анонимке. Кто из тренеров в это время отсутствовал?

Женя помолчала, переваривая директорский юмор. Вот уж правда – у кого что болит... Грушин стал настоящим сексуальным маньяком! Но ответила она вполне спокойно:

– Да, вариант и впрямь интересный. Но только ласка – это не тренерша, это зверек такой. Говорят, в старину, когда кони у какого-то хозяина начинали болеть или с тела спадать, считалось, что их невзлюбил домовый или дворовой, а потому гоняет и мучает по ночам. Но дело было в ласке. Если она повадится на конюшню, пиши пропало. Лошади ее духа не переносят, бешутся диким образом.

– Высоково, конечно, на окраине города, а все-таки таежных массивов я там не видал, – перебил Грушин. – Откуда взяться ласке?

– Ниоткуда, – согласилась Женя. – Не исключено, что это была кошка. Некоторые лошади кошек видеть не могут: аллергия у них на шерсть, что ли? Есть даже старинная примета: не перевозить в седле кошку, потому что лошадь из-за этого хиреет.

– Ну, скажу я тебе... – протянул Грушин. – Крепко же ты подковалась теоретически! Проводила следственно-розыскные мероприятия? Опять светилась, да?

– Почему сразу – светилась? – вспыхнула Женя. – Мне и проводить ничего не нужно было, девочки сами говорили. Они ужасно беспокоились: ведь техника безопасности нарушена. Конечно, Климова в стойле нельзя было одного оставлять, без тренера. Но он чуть ли не год в манеж ходит, стал своим человеком. А в тот раз, говорит, задержался на работе, пришел поздно, на конюшне никого. Он понял, что девочки все заняты, и решил оседлать коня сам, чтобы никого не беспокоить. До конца рабочего дня оставалось всего полчаса, не хотел время терять...

– А что теперь будет с этими тренершами и конем?

– Да ничего не будет. Климов считает, что был неосторожен, – значит, сам виноват, больше никто. Так и есть. Поэтому только справедливо, что он никакого дела затевать не хочет. Знаешь, я его даже зауважала, – смущенно призналась Женя. – Сначала-то он мне жутко не понравился: такой англазированный джентльмен, корчит из себя героя Дика Фрэнсиса. А в этой истории держался классно. Он, оказывается, с детства мечтал стать жокеем. Сейчас у него, кстати, «Форд Мустанг» – дань той детской мечте. Он даже играл роль жокея в какой-то пьесе студенческого театра, еще когда жил на Дальнем Востоке. Причем жокея битого-перебитого, который под копыта падал, кости ломал – ну, словом, не раз уходил от смерти и все такое. И Климов сказал, что только теперь понял, как надо было эту роль играть. И смеялся при этом, хотя, если ребро сломано, даже смеяться больно. Нет, он молодец!

Тут Женя заметила ревнивую вспышку в грушинских глазах и поубавила энтузиазма:

– А что касается моего задания... Конечно, я очень мало в манеже пробыла, но почти не сомневаюсь: никто из этих девочек Климову не нравится. Там он совершенно самозабвенно увлечен верховой ездой, это его, извини за каламбур, конек, больше ничего не интересует. Зря мадам Климова поверила анонимке и позвонила тебе.

Грушин глянул исподлобья.

– Зря, говоришь? – повторил задумчиво. – Ну что ж, возможно, и зря... Тем более что она мне и не звонила никогда. Пошли, кое-какие профессиональные секреты открою.

Он стремительно прошел через приемную, бросив непривычно угрюмой Эмме:

– Предупреди Сталлоне, что я к нему с гостьей.

Женя оглянулась на подругу, но сейчас было не до разговоров: побежала чуть ли не вприпрыжку за начальством.

«Агата Кристи» занимала на длинном этаже всего шесть комнат. В пяти из них Женя бывала довольно часто, а в шестой – ни разу. Беспрепятственно войти туда могли только двое: сам Грушин и заведующий экспертным отделом Миша Кисляков: кудрявый брюнет атлетического сложения, поразительно похожий на знаменитого голливудского актера в молодости. Его так и прозвали в агентстве: Миша Сталлоне.

Это был умнейший парень, который больше всего на свете любил мир звуков человеческого голоса. В «Агате Кристи» Миша Сталлоне основал отдел фоноскопической экспертизы. То есть он работал с отпечатками голосов так же, как дактилоскопист – с отпечатками пальцев.

Конечно, такие лаборатории существуют при экспертно-криминалистических отделах УВД. Но далеко не во всех городах. И туда никак не пробиться частным сыщикам, особенно если дело разрабатывается без привлечения полиции. К примеру, налицо телефонный шантаж, а клиент настаивает на секретности, зная, что рыльце у него в пушку... Словом, Грушин считал лабораторию Миши Сталлоне золотым фондом «Агаты Кристи».

В это святилище Миша не допускал никого без санкции Грушина и даже на Женю покосился с долей подозрительности. Даром что они все трое учились когда-то на одном юрфаке, пусть и на разных курсах, даром что пытался клеиться к ней в свободное от работы время!.. Впрочем, кто к ней только ни клеился, да все без толку.

– Заказчица позвонила мне на другой же день после того, как Климов попал в больницу, – торопливым шепотом объяснял Грушин, пока Миша Сталлоне проверял и готовил к экспертизе две записи. – Сказала, что дозвонилась из Франкфурта. Якобы мать ей сообщила о несчастье, и она решила прекратить слежку за мужем. Однако деньги отзывать не станет: за хлопоты, мол. Муж и так наказан, в манеж он теперь не скоро сунется. И самой стыдно стало, что анонимщику поверила. Мол, тогда стгоряча позвонила мне, а потом рассудила, что не стоит губить пятнадцатилетний брак из-за случайной оплошности, тем паче недоказанной. Надо уметь прощать и все такое прочее.

– Ну что же, в этом есть свой смысл, – согласилась Женя. – Чего же ты беспокоишься, не понимаю? И почему решил, что заказ делала не Климова?

– Миша, ты готов? – вместо ответа спросил Грушин, и Сталлоне кивнул. – Тогда включай. Миша шевельнул мышкой, и из динамика послышался взволнованный женский голос:

– Это «Агата Кристи»? Это сыскное агентство «Агата Кристи»? Я хочу, чтобы вы немедленно начали следить за моим мужем. Я получила информацию, что он... что он...

Содержание этой речи Жене было уже знакомо: Валерия Климова заказывает слежку за Сергеем Климовым.

Приятный голос. Немножко торопливый, с характерным нижегородским аканьем и даже яканьем. Очевидно, Климова – коренная нижегородка. Эти ее «без десять шесть» вместо «без десяти» и «неужели!» вместо «да» или «конечно» очень характерны.

Запись кончилась, Миша Сталлоне запустил вторую запись.

– «Агата Кристи»? Вы меня слышите? Алло, алло?

– Слушаю вас внимательно.

Голос Грушина. Такой спокойный, внушающий доверие, обнадеживающий...

– Это Валерия Климова говорит, если вы меня еще помните. Алло! Да что такое? Знаете, я из-за границы звоню, из Франкфурта, так что, если связь вдруг прервется, вы, пожалуйста, дождитесь, когда я снова перезвоню, хорошо?

– Разумеется, – солидно соглашается Грушин. – Ни о чем не беспокойтесь.

– Я хочу аннулировать свой заказ, – выпаливает Климова...

Женя невольно улыбнулась: терминология деловой женщины. И манеры – тоже. Сразу берет быка за рога. Привыкла самостоятельно принимать решения и делать неожиданные шаги. В голосе одновременно ощущаются и мягкость и властность.

– И что тут такого особенно, почему ты решил, что это не ее голос? – спросила она, дослушав запись.

– Минуту, – загадочно усмехнулся Грушин и достал из кармана кассету. – Теперь послушаем вот это.

Кассета была крошечная – от карманного диктофона. И запись, похоже, велась на изрядном расстоянии от источника звука: женский голос звучал приглушенно, как бы смазанно:

– ...Да плевать мне на все эти глупости, разве не понятно? Ну, съезжу через неделю туда, какое это имеет значение? Что я, лягушка холодная? Родной муж весь поломался – не могу я там сидеть! Мама не поверила: ты возвращаешься, что ли? А я: неужели?! Сережка, тебе очень больно будет, если я тебя обниму?

– Попробуй. Тебя же все равно не остановишь. Только извини, если я буду целоваться со стоном.

Голос Климова. Но совсем другой, чем помнит его Женя. Не через губу цедит, как обычно. Голос любящего человека. Счастливого...

– Ну, потом они начали целоваться, шептаться и все такое. – Грушин сделал знак выключить запись. – Там уже совсем не разбери-поймешь. И это в больнице... неймется людям. Хорошо хоть, что палата отдельная благодаря любящей теще, которая там трудится в нейрохирургии, что ли. А скажи, тебе ничего не показалось странным в этом разговоре?

– Только сам Климов, – честно призналась Женя. – Он опять совершенно с другой стороны предстал.

– А как насчет голоса Валерии?

– Ну, лексика теперь другая, интонации тоже. Так ведь и настроение иное! Однако этот ее выговор, эти «без пять», «неужели» – это очень характерные признаки...

– Ну да, – тихонько усмехнулся Миша Сталлоне, – она их очень усердно педалировала, не правда ли?

– Вы что, ребята, хотите сказать, будто с Климовым ворковала вовсе не его жена? То есть Грушин все-таки установил факт адюльтера?

– О нет! – Грушин с хитрым видом покачал головой. – В том-то и дело, что нет. С Климовым ворковала, как ты говоришь, его собственная родная жена, сломя голову примчавшаяся из Франкфурта, чтобы обнять обожаемого супруга, невзирая на его переломанные ребра. Я ее сам видел в больнице, и запись сделана мной.

– Ты в больнице был?! – вытаращила глаза Женя. – У Климова?

– Не собственно у него, но в непосредственной близости. Заглянул, сделал вид, что ошибся палатой... Заодно пристроил диктофончик в вазон с искусственной азалией, которых там натекано видимо-невидимо.

– Но почему ты туда вообще пошел, не понимаю?

– Думаешь, я понимаю? – легкомысленно сообщил Грушин. – Что-то дернуло меня в том, втором звонке, который якобы из Франкфурта. Не могу объяснить – *накатило* и все.

Женя и Миша Сталлоне переглянулись и враз глубокомысленно кивнули. Грушин любил говорить, что где-то на Парнасе живет десятая муза – покровительница сыскного дела. Его она иногда посещала.

Короче говоря, Грушин инкогнито отправился навестить Климова в больнице – и нос к носу столкнулся в его палате со своей заказчицей, которая этим утром якобы звонила ему из Франкфурта.

– Слушай! – вдохновенно вскричала Женя. – А вдруг эта дамочка никуда не уезжала? Что, если она для отвода глаз нас наняла, а сама предавалась нечистым страстям, одновременно планируя...

– Одновременно планируя убийство своего мужа, – кивнул Грушин. – А рыжий Балтимор – это и есть наемный киллер. Дешево и сердито. Ты это хотела сказать?

Женя прикусила язык.

Миша Сталлоне, слушавший их разговор с живейшим интересом, пошевелил «мышкой», и на экране вырисовались три графика: синий, зеленый и красный. Синяя и зеленая плавно опадающие линии сливались так плотно, что их почти невозможно было различить. Красная же топорщилась резкими углами.

– Это определение частоты основного тона голоса, – пояснил Миша. – Синий и зеленый – записи по телефону. Красный – диктофон. Голос высокий – видишь, какие острые, частые углы? Телефонный – гораздо ниже, мягче. Как будто маятник качается: чаще или реже. Чем чаще, тем выше голос.

– Ну, я не понимаю, – растерянно сказала Женя. – Настроение, наверное, тоже оказывает влияние?

– Конечно, только к основному тону оно не имеет отношения. К этим графикам мы еще вернемся, а теперь смотри сюда. – Он повернулся к самому большому монитору, в трех углах

которого мельтешили красные и зеленые квадратики. – Посмотрим на квадраты совпадений. Вверху телефонные записи, внизу – диктофонная. Смотрите внимательно.

Вверху с каждой секундой воцарялась все более интенсивная краснота. Внизу господствовал зеленый цвет.

– Совершенно ясно! – ткнул в экран пальцем Миша. – По телефону Грушину звонила одна женщина, а с Климовым в больнице обнималась совсем другая. Но которая из них его жена, это уж вы сами решайте.

– Больничная, – категорично заявил Грушин. – Я ее потом незаметненько до дому проводил. Проследовала по климовскому адресу – на автобусе, заметьте себе, хотя деньги мне якобы личный шофер привозил. Буквально через пять минут вышла погулять в компании двух пацанов и фокстерьера. Дети и собака тоже климовские. С балкона им махала климовская же теща, похожая на эту даму как две капли воды, если только капли могут стареть.

– А младшая капля не блондинка? – Миша Сталлоне задумчиво разглядывал красный график. – Ей за тридцать, лицо круглое, челюсть тяжеловатая, щеки пухлые, рот большой, нос башмачком?

На лице Грушина появилось выражение ужаса:

– Эта Валерия Климова – такая веселая очаровашка. Чудные белокурые волосы, синие глаза, яркий чувственный рот...

– Ну я же и говорю – большой рот, – нетерпеливо перебил Миша. – Я не про общее впечатление спрашиваю, меня отдельные черты интересуют. Подумай, вспомни.

Грушин послушно задумался, и чем дольше он думал, тем более унылое выражение принимало его лицо. В конце концов пришлось признать, что носик у Валерии Климовой коротковат и у основания, увы, приплюснут – правда, что башмачком! И с челюстями вопрос сложный...

– Да ты не переживай так! – засмеялся бессердечный Миша Сталлоне. – Подумаешь, эстет! Вон, Женечка у нас какая хорошенькая, просто фотомодель, но если посмотреть на график голоса...

– Спасибо, не надо. Я лучше сразу признаюсь, что в детстве мне удалили аденоиды, – пробурчала Женя. – В анкетах я об этом, правда, не пишу...

Внезапно она умолкла, осененная догадкой, и даже не сразу смогла заговорить снова:

– Мишка! Если ты облик настоящей Климовой угадал, значит, и поддельную описать можешь?

– Наконец-то хоть до кого-то дошло, кто представляет истинное сокровище в этой конторе, – проворчал Миша. – Вот если бы мы в ФБР служили... Там, я в кино видел, на каждого гражданина Штатов имеется не только дактилоскопическое, но и фоноскопическое досье. Ну а мы имеем то, что имеем, поэтому дадим некоторую волю воображению. Разумеется, я могу подробно описать этот длинноватый нос и тонкие губы, однако вы с криком ужаса кинетесь прочь. Если останавливаться на отдельных чертах, получится настоящая баба-яга. А если говорить об общем впечатлении... ищите, господа, роковую брюнетку лет сорока пяти. Ищите роковую брюнетку!

Помнится, Женя слышала такой анекдот. Муж возвращается домой, а жена ревниво заявляет:

«Тебе звонили!» – «Кто?» – «Какая-то белобрысая фифа с кривыми ногами!»

Выходит, эта неведомая супруга оказалась столь же проницательна, как и фоноскопическая экспертиза Миши Сталлоне. Как говорится, в каждой шутке есть доля шутки.

А напоследок Миша огорошил еще одним открытием: вывел на экран четвертый квадрат, обозначающий климовскую речь, составил график совпадений с речью заказчицы и принялся уверять, что оба они родом, скорее всего, с Дальнего Востока. Или очень долго жили там.

– Могу спорить на что угодно: ваша роковая брюнетка окажется хабаровчанкой по происхождению, как ни старается она выдавать себя за коренную нижегородку! – резюмировал Миша.

– Забавно, – сказал Грушин, открывая перед Женей дверь своего кабинета и непривычно сухо бросая Эмме: «Кофе!» – Это что же получается? Нас наняли только затем, чтобы ты спасла Климова?

– А что, неплохо, – улыбнулась Женя. – Может быть, его ангел-хранитель был в отпуске и на время поручил мне свои функции.

Вошла Эмма. Швырнула на стол две чашки и удалилась, на прощанье смерив Грушина убийственным взглядом.

– Что такое? – изумилась Женя. – Чем ты ее прогневил?!

– А, сказал пару ласковых! – отмахнулся Грушин. – Помнишь, я спрашивал тебя насчет одной пропавшей бумаги? Нашел ее сегодня совершенно случайно в мусорной корзинке. Сам не выбрасывал. Кто еще мог, кроме Эммы? А ведь сто раз говорено: даже если что-то на полу в моем кабинете валяется, все равно не выбрасывай!

– А какая бумага? Что-то важное?

– Ничего особенного, конечно, – не без смущения признался Грушин. – Показания того бомжа, который видел убийцу Неборсина. Они нам, собственно, без надобности, дело в принципе.

– А, в принципе... – протянула Женя, даже не пытаясь скрыть ехидства, и тут же получила за эту вольность:

– Да, представь себе, в каждой работе существуют свои принципы! И если бы ты об этом помнила, то сразу взяла бы у Балтимора кровь на анализ!

– Ты представляешь, что говоришь? – Женя даже отшатнулась. – Брать у коня кровь! Да еще у такого буйного!

– Медсестру попросила бы, если такая трусиха, – не унимался Грушин.

– Я просила, – угрюмо призналась Женя. – Да она еще больше меня трусиха. Сказала, что только для людей медсестра, а с конями работает ветеринар. Но его рабочий день тогда уже закончился.

– А утром? – не мог успокоиться Грушин. – Тебе это, конечно, в голову не пришло, но вдруг, допусти такую мысль, Балтимору был впрыснут какой-то наркотик?

– Кем? – всплеснула руками Женя. – И зачем? Климова прикончить? Но почему? Чтобы захватить принадлежащий ему магазин «Дубленки, кожа, меха»? А где гарантия, что Балтимор его до смерти забьет?

Впрочем, тут же она сбавила тон:

– Ну, вообще-то, если хочешь знать, я утром приходила в манеж к ветеринару. Они там и сами умные оказались, все уже сделали. Кровь как кровь, даже адреналин в норме – все-таки ночь прошла. Если и было что-то, к утру ни следа не осталось. Да я все равно убеждена: это случайность, несчастная случайность!

– «В природе все одно с другим связано, и нет в ней ничего случайного. И если выйдет случайное явление – ищи в нем руку человека», – процитировал Грушин. – Михаил Пришвин сказал. Ты, может, такого имени и слыхом не слыхала, а я его книжки читал. Так вот – мы с Пришвиным в факте случайности не убеждены.

– Это насчет щеколды – про руку человека, да? – фыркнула Женя. – Но она вполне могла сама соскочить, такое уже бывало!

– Хорошо, – покладисто кивнул Грушин. – Как скажешь! Щеколда упала сама. Случайно. Причем в тот момент, когда случайно взбесился конь. Уже две случайности. А вот и третья: в деннике в это время оказался человек. Четвертую называть или сама догадаешься?

Женя медленно кивнула. Нечего гадать! Четвертая случайность в том, что именно Климова касался тот телефонный звонок.

– Знаешь, что меня больше всего настораживает? Этот звонок. Вернее, деньги. Сколько угодно найдется желающих деньги получить, но просто так отдать... ради чужого человека... Эта женщина знала или предполагала, что Климову будет грозить опасность, и хотела нанять для него охранника.

– Ну, из меня охранник... – смущенно хихикнула Женя.

– Она же не знала, что в манеж пойдешь ты. Небось думала, частный детектив – это крутой мэн с пудовыми кулаками.

Женя невольно улыбнулась: общепринятое заблуждение! Когда Грушин позвал ее работать в «Агату Кристи», она сначала даже перепугалась: какой из нее частный детектив?! Несколько приемов карате-до, неплохая стрельба – вот и все. Правда, теперь, можно сказать, умеет верхом ездить.

Вот именно: можно сказать. А можно и не говорить...

– И все-таки наша заказчица своего добилась! Именно ты спасла Климова! – не без удивления признал Грушин. – И мы снова возвращаемся к исходной точке: предполагалась опасность! Именно поэтому я и говорю: случайностей в этом деле нет. Так что, моя дорогая, придется все-таки искать роковую брюнетку.

Женя взглянула на него не без интереса:

– А придется – кому? Нам с тобой, что ли?

– Ну, у меня и так дел выше крыши, – отмахнулся Грушин. – А вот ты пока простаиваешь – ты и поработай. Но без чуткого руководства я тебя не оставлю. Кстати... говоришь, Климов был тебе благодарен? А как он это выражал?

Женя передернула плечами:

– Да уж и не помню, что он там стонал. Ему было больно, какие тут благодарности. Да и зачем они мне? Жив – и слава богу.

– Тогда прими первый руководящий совет: никогда не лишай человека возможности выразить свою благодарность! Заодно и сама удовольствие получишь.

Письмо четвертое

Дорогой Эдмунд!

Я, конечно, поступила с тобой жестоко. Но мне настолько тягостно было воспоминание о тех днях, когда я искренне помышляла о смерти, когда убеждала себя не поддаваться этим своим ужасным мыслям, а они донимали и донимали меня... Я хочу объяснить, почему я написала эту пьесу и почему даже думать не хочу о ее публикации, а тем более – постановке. Готов ли ты меня выслушать?

Твоя Агата

Оказаться ангелом-хранителем было приятно. И благодарность принимать – тоже. Грушин опять оказался прав!

Женя сидела в уголке дивана в тесной, но замечательно уютной климовской квартире и наслаждалась ощущением всеобщей любви к себе. Сегодня в этом доме ее любили все: дети, которые чмокнули Женю в обе щеки и с собакой (в знак любви лизнувшей в нос) убежали во двор; мать Валерии, которая испекла в честь гостей грандиозный пирог и теперь накрывала на стол; сама Валерия, помогавшая ей; и даже огромный бело-рыжий кот любил Женю и выражал это заливистым мурлыканьем!

Вошла Валерия, взяла из серванта салфетки, улыбнулась:

– Шесть секунд. Последние штрихи – и все. Вам не скучно, Женечка? Чем бы вас развлечь?

– Ничуть не скучно, – вежливо возразила Женя. – А если хотите развлечь, покажите какие-нибудь фотографии. Настоящие, если есть, не на дисках и на флешках. Обожаю старые альбомы смотреть!

Расчет бы прост: Климов уехал с Дальнего Востока больше десяти лет назад. В то время обычные фотографии были еще весьма популярны. И если загадочная брюнетка и впрямь принадлежит к числу его давних знакомых, она вполне может обнаружиться на тех фотографиях.

– Пожалуйста, – после некоторой заминки откликнулась Валерия. – Только фотографий у нас не очень много. Так, случайные снимки.

Она достала из того же серванта небольшой альбомчик в потертом плюшевом переплете и ушла.

– Как здорово вы это придумали, – пробормотал Климов, начиная перелистывать альбом. – Я тоже люблю старые снимки, только в последнее время совершенно о них забыл. Неужели их так мало осталось? Вроде бы два альбома было?... О, это я! Нет, Лерка. Или Сашка? А может быть, Костик? – озадаченно бормотал он, разглядывая фотографию голого младенца, лежащего на пузе, сосредоточенно уставившись в аппарат.

Женя, увы, ничего не могла ему подсказать, но тут их позвали к столу, и идентификация младенца стала общим делом. Оказалось, что это все-таки Лера, Валерия – в возрасте двух месяцев.

– Только головку начала держать, – педантично сообщила климовская теща, которая работала сестрой-хозяйкой в областной больнице и отличалась превеликой аккуратностью.

За столом Женя так и этак пыталась перевести разговор на дальневосточное прошлое, однако за десяток лет жизни в России (так коренные дальневосточники называют все, что западнее Урала) прежние впечатления основательно подернулись пылью забвения. К тому же хозяева не скрывали своего интереса к госте. Для начала Женя сообщила, что работает в рекламном агентстве, а потом торопливо уплыла из чуждой темы, перейдя к своим воздушным приключениям. Об этом она могла говорить часами, вот и говорила, а сама думала, показалось

ей или на лице Валерии в самом деле мелькнула некая тень при упоминании старых фотографий? И сейчас именно Валерия всячески отводила разговор от дальневосточного прошлого? Возможно, конечно, это бессознательная ревность к женщине, внезапно завладевшей вниманием мужа? Чтобы укрепить свою репутацию, Женя принялась рассказывать о Льве, отчаянно привирая в интересах дела. Разумеется, они давно и счастливо женаты. Лев просто-таки не вылезает из Нижнего Новгорода – чистая случайность, что его сейчас здесь нет. Каждый день названивает и все такое, вот и сегодня в девять обязательно позвонит...

У Валерии зримо поднялось настроение. А у Жени – упало. Лев уже неделю не звонил и на ее отчаянные попытки никак не реагировал. Где он и с кем?...

После чая теща Климовых отправилась к соседке. Остальные перешли в гостиную, и Женя сразу обратила внимание, что альбома на диване уже нет. А ведь она ничего не успела увидеть. Так, ее задание с треском валится в пропасть. Теперь просто невозможно настаивать на просмотре фотографий: только полный дурак не догадается, что она хочет что-то найти. А если хозяева не желают этой находки?

Тотчас оказалось, что не желают не все.

– Лера, ну что ты альбом убрала? – возмутился Климов. – Мы еще ничего не посмотрели. И разве у нас один старый альбом, а не два?

– Да я не помню, где он... – начала было Валерия, но упрямый Климов полез на стул, чтобы поискать альбом на антресолях. Лера испугалась за его ребра и пообещала все найти сама.

Первый альбом оказался не слишком интересен: фотографии в нем были все больше климовских родителей, а их самих – только школьные. И не нашлось тут места никаким роковым брюнеткам. То есть брюнеток было сколько угодно, а вот роковых... Главное дело, Женя и сама не могла бы объяснить, почему так равнодушно откладывает фотографию за фотографией. Да, конечно, она помнила слова Миши Сталлоне о тонких губах и длинноватом носе, но искала не только эти черты, а нечто, словами не объяснимое. Если не ведьму, то злую колдунью. Во всяком случае, зловещую. Даму пик! Но ничего подобного пока не встречала.

Тем временем первый альбом был благополучно просмотрен, и Валерия не без скрежета зубовного выволокла на свет божий альбом номер два: в черных лакированных корочках, украшенных перламутровыми птицами и цветами.

– Китай! – с наслаждением провел по нему ладонью Климов. – Антикварная вещь!

– Ну, это студенческие, – бросила Валерия, втискиваясь между Женей и мужем (так-так...) и небрежно сдвигая целую стопу фотографий. – Это вам вряд ли интересно будет.

– Да почему? – удивился Климов и потянул к себе стопку. Валерия не удержала свой край, и снимки черно-белыми пятнами рассеялись по полу.

Женя съехала с дивана и принялась лихорадочно собирать их, с твердым намерением не выпускать из рук до тех пор, пока не выяснит подноготную каждой из запечатленных там брюнеток. И вдруг замерло сердце: прямо ей в глаза улыбочиво глянул... Александр Неборсин.

Тот самый, застреленный в своем синем «Мерседесе»! Правда, парню на фотографии было лет восемнадцать, но взгляд уже выдавал весьма опытного ценителя женской красоты.

И тотчас сердце замерло вновь: рядом с Неборсиным – Сергей Климов! Такой же молодой, одетый более чем странно: в жокейскую шапочку с козырьком и камзол с номером на груди. А Неборсин выглядел, будто ковбой с Дальнего Запада в настоящем «стетсоне».

В эту минуту Валерия нагнулась с дивана, и ее желание выхватить фотографию показалось Жене столь откровенным, что она решила тактично не обратить на это внимания, однако на всякий случай поднесла фото к самым глазам, демонстрируя клиническую близорукость. В конце концов, не станет же Валерия вырывать портрет, рискуя выпарапать гостью глаза!

– О, жокей! – обрадовалась Женя с самым простодушным видом, на который только была способна. – Помню, вы говорили, Сергей, что играли жокея в студенческом спектакле. Это он и есть?

– Господи! – сразу помолодев, Климов выхватил у нее фотографию – Я про эти снимки уже сто лет забыл. Лера, смотри, это же Сашка Неборсин! Ну и рожа! – Он брезгливо дернул уголком рта. – Что вы, девчонки, в нем находили, понять не могу. Пошлый бабник. Погоди, но ведь оставались и другие снимки спектакля... – Позабыв о боли, Климов самозабвенно перебирал шуршащую, будто осенние листья, охапку. – Вот еще, еще... Неужели все?!

– Да вспомни, сколько мы их раздали, – неприязненно сказала Валерия, очевидно, почувствовав недоумевающие Женины взгляды и согнав наконец с лица встревоженное выражение. – Я вообще думала, что их уже не осталось.

«Тебе этого очень бы хотелось! – уверенно подумала Женя. – Значит, вы были знакомы с Неборсиным? Как интересно-о... А почему Лере так тяжело об этом вспоминать?»

– Вот! – торжествуя возопил Климов, выхватывая из вороха большую, размером с целый лист, фотографию с обломанными уголками и любовно разглаживая ее. – Вот, Женя, посмотрите: вся наша труппа. Весь наш спектакль.

Он схватил Женю за руку и нетерпеливо втащил на диван – по другую сторону от себя, так что все прежние маневры его жены пропали втуне.

Сделав вид, что не слышит явственного зубного скрежета, Женя со всем вниманием уставилась на фото и опять увидела молодого Неборсина. Он возлежал на деревянном стуле, задрав на стол сапоги с ужасающими шпорами. На сцене по мере сил была воспроизведена обстановка американского салуна. В одной руке Неборсин держал бутылку виски (правильнее сказать, из-под виски), а в другой – «смит-и-вессон» такой величины, которая сразу выдавала его бутафорское происхождение. Рядом, оседлав стул, мчался в воображаемой скачке жокей – Климов. Сбоку обнималась парочка: точеная блондинка с кукольным личиком, одетая в мини-мини-кожу и сапоги выше колен, и хилый паренек, похожий на пастора. Здоровяк в ковбойке с задиристым видом демонстрировал кулачищи. Долговязый парень в мотоциклетном шлеме, очках и комбинезоне, очевидно, автогонщик, аплодировал высокой девушке с разлохмаченными волосами и в белом балахоне. Она имела какой-то мокрый вид, словно не так давно была вытащена из воды. Она здорово напоминала бы утонувшую Офелию, не будь столь жгуче-черноволосой. Но стоило Жене бросить один лишь взгляд на это худое, резких очертаний, зловеще-красивое лицо, как она поняла, что нашла свою роковую брюнетку.

Женя узнала ее мгновенно, ни разу не встречая прежде, не зная имени, не услышав ни единого слова даже о ней, не то что от нее! Тонкие губы, длинноватый хищный нос, брови вразлет, сверкающие глаза... Да, это не крошка Офелия с ее песенками про незабудки и розмарин. Эта пиковая дама не боится ни бога, ни черта, иначе разве стала бы она метать дротики-дартс в круг, прикрепленный на грудь... скелета с огромной косой в клешнятой руке?

– Лера, Лера, помнишь? – возбужденно верещал Климов. – Как эта пьеса называлась? «Ты проиграла, Смерть!» – так, кажется?

– Лихо! – пробормотала Женя. – А вас, Лера, почему не видно на сцене?

Это был неудачный вопрос: лицо Валерии стало ледяным.

– Потому что там для меня не нашлось роли.

– Ой, Лерочка, неужели ты все еще злишься? – хохотнул Климов. – Надо не Аделаиду ругать, а себя, свою внешность. Вы понимаете, – обернулся он к Жене, – Лера и сейчас-то нежная и очаровательная, а пятнадцать лет назад она была просто Дюймовочка. Пупсик такой розовенький. А для этого спектакля требовались дамочки покрепче. Вот эта, Алина, – он ткнул пальцем в блондинку на фотографии, – к тому времени прошла все медные трубы, ей даже играть не приходилось, изображала себя, да и все. Ну а наша Аделаида вообще родилась такой роковой, она для себя роль и писала.

– Сама писала? – уважительно переспросила Женя, надеясь, что голос не дрожит. Она разволновалась необычайно – из-за Неборсина, конечно. Еще одно совпадение – Климов был с ним знаком! – явилось очередным полновесным доказательством правоты Грушина. Да, здесь все очень далеко от случайностей!

– Точнее, переводила. Уверяла, будто нашла забытую пьесу Агаты Кристи и сама ее перевела. Аделаида работала у нас в пединституте на кафедре эстетического воспитания и вела студенческий театр. Вот уж была эстетка! Вот уж была артистка! – покрутил головой Климов.

– Почему была, интересно? – подала голос Валерия. – Артисткой она родилась – артисткой и умрет. А уж эстетка теперь стала такая, что не приведи господь.

– А ты откуда знаешь? – вскинул брови Климов. Ого, супруги все взяли на себя, работали даже без наводящих вопросов. – Мы же лет пять не общались, если не больше.

– Да я видела ее в аэропорту, когда летела во Франкфурт.

«Точно! Вот так она узнала, что Валерия улетает и можно действовать свободно!» – нервно сжала руки Женя.

– А ей что делать в аэропорту? Тур какой-то?

– Встречала рейс из Амстердама. Наша-то Ада теперь знаешь кто? «Орхидея»!

– Как это – орхидея? В каком смысле? – озадачился Климов.

– В самом прямом, – усмехнулась Валерия. – Уже полгода, как она купила двухэтажный дом неподалеку от площади Горького. На втором этаже личные апартаменты, на первом – магазин. Это нечто! У Аделаиды последний муж был очень богат. Умер от инфаркта – все оставил ей. Теперь она живет на проценты с капитала, а для забавы держит две игрушки: магазин и любовника. Такой сла-аденький брюнетик, лет двадцати, не больше. А ведь нашей Адочке сколько? Сорок пять, сорок шесть? Или уже даже за?...

– О господи! – вздохнул Климов. – Угомонись, чудовище с зелеными глазами!

– Да, кстати! У Аделаиды теперь зеленые глаза! – с новым пылом воскликнула Валерия. – Изумруды натуральные. Контактные линзы. Теперь она вообще стала вылитой ведьмой, даже жуть берет.

Климов обреченно завел глаза.

«Сладенький брюнетик? Забавно! – подумала Женя. – Как это Грушин описал шофера, который деньги привез? „Не шофер, а балерун какой-то“?»

– Вы говорите, магазин «Орхидея»? – робко вклинилась она в перепалку супругов. – А не знаете, почему он так называется? Он что, специализируется на продаже орхидей?

– Именно, – кивнула разгоряченная Лера. – Аделаида самолет зачем встречала? Ей должны были семена уникальные передать. Там какую-то переорхидею вывели, супер-пупер этакий, ну а разве Аделаида переживет, если у нее чего-то *этого* не будет?

«Похоже, это надолго, – вздохнула Женя. – Ненависть столь длительной выдержки может фонтанировать часами!»

– А как вы попали в Нижний Новгород, если жили на Дальнем Востоке? – не очень ловко попыталась она повернуть разговор в нужном направлении.

– Я сама родом отсюда, – пояснила Валерия. – Отец устроился в советско-японское предприятие, вот мы и переехали в Хабаровск. Он там и умер... а мы с мамой вернулись. И Сережу с собой прихватили. – Она с любовью взглянула на мужа.

– У вас тут, наверное, дальневосточное землячество? – гнула свое Женя. – Или больше никого из прежних знакомых нет в Нижнем Новгороде?

Климов с ностальгическим выражением уставился на фотографию:

– Да нет, какое землячество? Кроме Аделаиды и Сашки Неборсина, больше и нет никого. Мы практически не общаемся. Сашка и раньше был большой барбос, а теперь, наверное, и вовсе закуржавел. Конечно, я расчувствовался, когда фото увидел, но это так, мгновенный

порыв. Сашка у меня невесту когда-то чуть не увел, так что, сами понимаете, радости от встречи никто не получит, правда, Лерочка?

Тут явственно просилась пылкая реплика на тему «да-да-да», однако Лера почему-то не спешила ее подавать.

Женя и Климов посмотрели на нее одинаково удивленно – и встретились с затравленным взглядом.

– Сережка, – пролепетала Лера, – я не хотела тебе говорить... я тоже не знала, но Аделаида сказала... Саша-то Неборсин умер! Ты представляешь? Совсем недавно...

– Умер? – растерянно повторил Климов. – Как то есть умер? Что ты глупости говоришь?

– Умер! – всхлипнула Валерия. – Убили его – на дороге убили. Какой-то человек подошел к машине и выстрелил в голову. Ты представляешь? – Она заплакала в голос, стискивая кулаки.

– В го-ло-ву? – переспросил Климов, бледнея. – Сашку Неборсина?! Господи... русская рулетка... Ну что же ты так плачешь, Лера? Что ж ты так по нему плачешь? Или не зря я тогда с ума сходил? Не зря, да?!

«О господи! – с тоской подумала Женя. – Я и правда – как Белая Дама. Не труп, так горе. Они ведь теперь надолго завелись. И все из-за меня!»

Домой возвращаться не хотелось, но куда же еще идти? Сидеть, ждать выдуманного Левушкиного звонка – у моря погоды?

«Эмма права. Я проживаю какую-то чужую жизнь. Мне же совсем не того хочется. Каждый вечер засыпать одной, с холодным сердцем... Льву-то моя ошалелая верность совсем не нужна, иначе у нас уже давно был бы дом, куда он хотя бы иногда возвращался, хотя бы считал своим долгом возвращаться! – Ревнивые переглядки Климовых, их дети, оружие во дворе, теща с поджатыми губами и слишком жирный торт – все это промелькнуло перед Женей прекрасным, недостижимым видением. – Ох, господи, ну сколько можно об одном и том же!»

Она призвала в свидетели всю небесную рать, что нынче вечером в ее жизни не будет места пагубным воспоминаниям: надо работать, готовиться к визиту в «Орхидею». Среди книг, оставшихся от отца, есть шеститомник «Жизнь растений», а там хоть что-то да написано обо всяком земном (а также подземном и подводном) произрастании! Опять же Интернет нам в помощь!

Женя свернула во двор. Здесь было почти темно: величавые березы поднялись до небес. Неровные блики из окон падали на узкий тротуарчик, на котором асфальт уже напоминал скорее культурный слой неких полузабытых раскопок. Как бы в темноте не оступиться и не съехать с четырех покосившихся ступенек, которые ждали впереди. Однажды с ней уже приключилось такое: ногу подвернула, каблук сломала...

Придерживаясь за стену, осторожно нашарила ступеньку, вторую... пахло спертой сыростью из распахнутой настежь двери общих подвалов, мимо которой она шла...

Рывок! Что-то обхватило ее за шею, потащило!

Мгновенный приступ удушья, тьма сгустилась вокруг.

Инстинктивно саданула ногой назад, ощутив, как острый каблук вдавился во что-то твердое. Над ухом раздался хриплый вскрик. Женя рванулась, нагнувшись, пытаясь перебросить нападающего через себя. Он был тяжел, цепок, однако площадка возле подвальной двери, на которой они боролись, оказалась слишком узка: ноги Жени сорвались со ступенек, и ее понесло вниз, в темноту.

Ступени больно били по телу, но куда важнее было то, что смертельный захват ослаб. Женя умудрилась вскочить на ноги, однако тотчас рядом начал копошиться, взбугриваться мрак: это нападающий пытался встать. Он загораживал ступеньки, и Женя, оставив мгновенную бредовую идею прорваться к выходу, отпрянула – и ринулась в дверь, ведущую в глубину подземных переходов.

Если он затащил ее в подвал, значит, дверь была открыта. А ключи только у жильцов дома. Значит, кто-то есть в подвале, и если Женя позовет на помощь...

Но впереди расстилалась темнота: ни промелька света ни в одном из ответвлений. Здесь нет никого: нападающий либо подобрал ключ, либо сломал замок. Надеяться не на кого – она сама себя загнала в ловушку, и если он сообразит отыскать выключатель...

Позади громко щелкнул рубильник, и Женя невольно зажмурилась. Лампочки горели вполне, однако почудилось, будто стоит она, по меньшей мере, в центре кремля, со всех сторон залитая потоками ослепительно яркого света.

Взгляд заметался по сторонам. Двери, дощатые двери со всех сторон, на них разнокалиберные замки, намалеванные суриком цифры...

«27» – бросилось в глаза.

Номер ее квартиры! Их с мамой сарайчик. И... на нем нет замка!

Женя бесшумно скользнула внутрь, в темноту, исполосованную полосами бледного света, сочившегося из щелей. Она благословляла привычку, заставившую ее не метнуться в ближайший же ход, а добежать сюда, почти до конца подвала. У нее есть время хотя бы перевести дух, собраться с мыслями, пока он обойдет два других хода, заглянув во все двери, на которых нет замков.

Ее сотрясла дрожь. Капли пота сползли с висков... Три хода, каждый из которых заканчивается тупиком. В доме сорок восемь квартир, в каждом переходе подвала шестнадцать ячеек. Сколько дверей заперто? Сколько еще в доме жильцов, столь же ленивых, как Женя и ее матушка, которым проще сходить за картошкой-моркошкой на базар, чем создавать припас, как все хорошие люди делают?

Поодаль хлопнула дверца. Так... он отыскал одно из возможных убежищ беглянки. Если там нагромождены какие-нибудь вещи, пройдет еще несколько секунд, прежде чем он убедится, что среди них никто не прячется. А потом двинется дальше!

Безумием было надеяться, что он уйдет. После девяти вечера кому что может понадобиться в подвале? Никто не придет, никто не помешает, никто не спугнет человека, который хочет убить Женю. За что?...

Она в панике огляделась, потом обшарила все углы. В их сарайчике пусто, отвратительно пусто. Лежат только три бумажных мешка с давно окаменевшим цементом, прикрытые какой-то дерюжкой, да стоит старая-престарая стиральная машинка без крышки, оставшаяся еще от прежних жильцов. Она слишком мала, чтобы в ней спрятаться, и слишком тяжела, чтобы использовать как оружие защиты. Мешки тоже не поднять...

Раньше у них много чего тут было наставлено: мама даже держала в подвале банки с солениями, – а потом как-то вдруг заметила, что банки резко уменьшились числом. Сменили замок, и еще раз его меняли, пока не обнаружили, что дверь-то никто не открывает, зато в перегородке между их сарайчиком и соседским есть одна плаха, которая отодвигается достаточно широко, чтобы в нее мог пролезть человек, и даже не с одной банкой, а двумя. Мама обиделась, унесла из подвала все, даже замок сняла, и теперь вороватые соседи могли сколько угодно лазить в сарайку с цифрой «27»: ничего, кроме старой стиральной машины и цемента, здесь...

Ох, да что же она стоит, как дура? Вот же возможность спастись!

Женя припала к перегородке и зашарила по ней, не чувствуя заноз, цеплявшихся за пальцы. Неужели соседи заколотили лаз?...

Нет! Доска шевельнулась! Пошла в сторону! Скорее...

Она скользнула в довольно широкую щель и торопливо задвинула плаху на место. Подпереть бы ее, но чем? Этот сарайчик тоже оказался пуст. Не из чего построить баррикаду, не под что спрятаться. Остается только забиться в угол, затаить дыхание, не выдать себя ни звуком, ни шорохом, когда откроется соседняя дверь и туда заглянет нападавший, чтобы убедиться: и здесь никого нет, добыча ускользнула... куда?

Что подумает *он*, обойдя все незапертые сараюшки? Что Женя убежала через какой-то неизвестный выход? Спряталась в одном из запертых сараев? Скажем, у нее был ключ и она ухитрилась совершенно бесшумно открыть замок... Да, а потом – тоже совершенно бесшумно! – повесила замок на место, оставаясь при этом внутри!

«Нет, он не догадается, что где-то может быть лаз, – твердила себе Женя. – Не догадается, бомж на это не способен, у него ум убогий, пропитый...»

Бомж?... Конечно, она не разглядела насильника, но от него не разило перегаром, прокисшим потом, мочой, как следовало бы, и рука, перехватившая Жене горло, была рукой сильного, крепкого человека. Просто чудо, что она вырвалась, – только падение со ступенек спасло. Но если так крепко его тело, не значит ли это, что и разум достаточно крепок? И если он сообразит, что беглянка не провалилась сквозь землю, останется только один вариант: она прошла сквозь стену. И стоит ему только...

Внезапно блеклые полосы света исчезли: вокруг сгустилась тьма.

Сердце так и рванулось к горлу в новом приступе страха. Что это значит? Погас свет – почему? Что *он* надумал делать? Решил сдаться, уйти – и выключил электричество? Ну надо же, какая заботливость! Или хочет внушить Жене, будто ушел, будто опасность миновала?

Она выждет, потом, не слыша никакого движения, выберется из своего убежища, прокрадется к двери, а там...

– Да нет там никого, я же тебе говорю, – раздался нервный юношеский голос. – Просто кто-то забыл погасить свет. Не волнуйся – уже заорали бы во все горло, если бы кто-то был!

А это еще кто? У нападавшего появился сообщник? Или... или какой-то рачительный хозяин все же отправился в подвал в столь поздний час? Бог его надоумил, к примеру... Но зачем погасили свет?

Надо кричать, звать на помощь!

Женя открыла рот, но из горла исторглось только слабое сипенье. Метнулась к заветной плашке, но тут ее словно кипятком ошпарило: дверь соседнего – ее, не запертого! – сарайчика медленно открылась.

Женя замерла.

– Вот и наш домик, – совсем близко послышался оживленный голос. – Давай, Нинулик, вползай.

– Темно... – отозвался голос девичий, вздрагивающий. – Ты что, забыл фонарик?

– А зачем он нам? – бодро отозвался юноша. – Я тут все наизусть знаю. Сейчас ты тоже привыкнешь к темноте. Вон там наши мешки и наше одеяльце. Иди сюда... садись. Ага. И я рядом. Нинулик...

Вздых, несколько быстрых поцелуев, вздох.

– погоди, – наконец заговорил парень снова, и теперь голос его тоже дрожал. – Сначала мы выпьем. За нас! Сейчас, сейчас...

Что-то булькнуло.

– Что это? – боязливо пискнула Нинулик.

– Кагор. Церковное вино. Мы же решили, что сегодня... у нас же сегодня как бы свадьба, да? И мы будем пить вместе. Я читал, что, если мужчина и женщина пьют из одного стакана, они будут неразлучны.

– Так ведь из стакана...

– Да какая разница – стакан, бутылка? Все равно неразлучны! За нас!

Бульканье, торопливые глотки.

– Ну, пей.

Бульканье, торопливые глотки.

– Фу. Я шампанское люблю!

– Ну чего ты, Нинулик?...

Поцелуй, долгий поцелуй, шуршанье пыльных бумажных мешков.

– Нинулик... ну ты что?

– Ой, подожди! Борик, я боюсь!

– Привет! Раньше надо было бояться. Ты же согласилась...

– Борик, давай как-нибудь по-другому. Я не хочу, я боюсь, мама сразу догадается, когда будет стирать... Нет, пусти, пусти, я не хочу, пусти, дурак, не надо, Борик, гадина, пусти!..

Девчонка пискнула уж вовсе дико – и тут Женю словно толкнуло. Она рванула доску и проскочила в узкую щель.

Глаза привыкли к темноте, и Женя сразу различила в углу две копошившиеся фигуры. Вцепилась в зашивок той, что возилась сверху, дернула, потом пнула оставшуюся.

Раздался истошный вопль, и Борик свалился в угол неподвижным ворохом.

Женя схватила Нинулика за руку, потрянула:

– Беги! Волки! – И, таща девчонку за собой, вылетела за дверь под аккомпанемент ее истерического визга.

Она знала, куда бежать, и в темноте. Но на каждом шагу этой знакомой дороги в них с Нинуликом могли вцепиться те беспощадные руки... Ужас прорвался сдавленным криком.

Женя свернула в проем двери, еще более темный даже по сравнению с окружающей тьмой. Ударил по стене – послушно вспыхнул свет. Она хотела оглянуться, но не нашла сил.

Нинулик вырвалась и, обгоняя Женю, взлетела по ступенькам. Крутанула ручку английского замка, распахнула дверь и выскочила во двор, все так же истошно, пронзительно, безумно крича:

– Волки! Волки!..

Письмо пятое

Дорогая Агата!

Приеду по первому твоему требованию. Благодарю тебя!

Вечно преданный тебе Эдмунд Корк

– ...А почему волки? – спросил Грушин.

– Бог его знает, – дернула плечом Женя. – Надо бы психоаналитика спросить: может, меня в детстве ими пугали, когда в деревне у бабушки жили? Не знаю, не знаю. Да какая разница, что было кричать?

– Удивляюсь, почему тебя не посадили за мелкое хулиганство.

– Я и сама удивляюсь, – вздохнула Женя. – Главное, понимаешь, я была в брюках. Они, конечно, имели еще тот вид, теперь их только под дверь бросить, ноги вытирать, да и то – не дома, а на даче, но благодаря им на ногах никаких следов не осталось – от того, как я по ступенькам катилась. И на руках тоже: я слишком быстро вырвалась.

– Что ж ты так? – покачал головой Грушин. – Недальновидно, знаешь ли... И что обо всем этом думаешь?

– Думаю?

– Как считаешь, он хотел тебя... только придушить?

– Господи, Грушин, да отстань ты от нее! – внезапно не выдержала Эмма. – Женечке и так вчера досталось. Просто чудо, что она тут с нами живая сидит, а ты...

Она подавилась всхлипыванием, а Женя даже головой покачала: ну в самом деле, кто сказал, что нет на свете настоящей, верной, вечной дружбы? Да отрежут лгуну его гнусный язык! Полчаса назад, когда она живописала в приемной свои ночные, а главное, вечерние приключения, Эмма натурально забилась в истерику.

Пламенный призыв Эммы возымел результаты. Грушин виновато потупился, а потом с неподдельным сочувствием воззрился на Женю.

– Да ладно вам, – сказала она, мгновенно устыдившись всеобщего внимания. – Пациент скорее жив, чем мертв. Вообще-то вчерашний вечер – это типичный случай того, как трагедия может превратиться в фарс. Я же вам еще не дорассказала! Вообразите: эта дура, которую я спасала, отпиралась от всего, как... ох, я просто не знаю, что и сказать! – Женя стукнула кулаком о ладонь. – Никакого насилия не было, они с Бориком просто пошли в подвал за картошкой и перепутали сараи. Как вам это нравится, а? В начале августа – в подвал за картошкой! Борик, кстати, в нашем доме, в четвертом подъезде, живет, потому у него и оказались ключи от подвала. Ну а как туда тот мерзавец попал, я и представить не могу.

– Да что ты говоришь? – изумился Грушин. – А я могу. Большое дело к замку ключ подобрать! Вот он и подобрал. Затаился и ждал, пока...

– Это ты прав, – перебила Женя. – Когда на шум, который мы с Нинуликом подняли, начали соседи сбегаться, одна бабулька вспомнила, что видела какого-то мужика, который ковырялся с замком. И вроде бы он показался ей незнакомым, но тут у бабулькиного пакета ручка оторвалась, и бутылка подсолнечного масла, как у той Аннушки, разбилась. Поэтому не разглядела она ничего, помнит только, что сутулый дядька был. Мне тоже показалось, что он вроде как высокий... Но поскольку никого и ничего, кроме зацементированного Борика, полиция в подвале не нашла, очную ставку проводить было не с кем.

– Смылся он, значит.

– И наверное, давно. Может быть, сразу, как ребята пришли. Вовремя они появились, ничего не могу сказать...

– Да, а то в конце концов он мог бы и догадаться, что ты интуитивно заберешься в дверь с номером «27», – кивнул Грушин. – Твое счастье, что не успел.

Женя взглянула дикими глазами:

– Ты понимаешь, что говоришь?!

– То есть?

– Думаешь, он ждал именно меня?

– А у тебя нет такого ощущения?

– Бог ты мой! Да с чего, с какой радости?!

– Ну, мало ли кто и почему может желать тебе смерти, – небрежно пожал плечами шеф «Агаты Кристи». – Какая-нибудь жена, лишившаяся мужа с твоей помощью... в рабочем порядке, разумеется, но ведь потом она могла раскаться! Или какой-нибудь муж, который теперь решил, что ты слишком много о нем знаешь...

Несколько секунд Женя смотрела на него оторопев, потом резко отвернулась:

– Злые вы! Уйду я от вас! Ну, начальник... Секретарша ваша все-таки гораздо человечнее, не в пример вам. Правда, Эммочка? Угадайте с трех раз: у кого шуточки дурацкие?

– А если серьезно? – невозмутимо продолжил Грушин. – Ну, напряги головушку, все-таки мы какие-никакие, а детективы...

– Нет, Грушин, зачем ты меня пугаешь? – застонала Женя.

– Не пугаю, а призываю задуматься. Например, вот о чем: ты уверена, что там, на шоссе, когда ты появилась около неборсинского «мерса», тебя никто не мог видеть?

– Привет! Как минимум три мента плюс еще двое-трое зевак. Ох, господи! Ты что, думаешь, пошел отстрел свидетелей убийства? Да ну, брось.

– Брошу, брошу, как только ты мне скажешь: человек, приставивший к виску Неборсина пистолет, – он не мог все-таки тебя увидеть? Точно не мог?

– Теперь-то я уж и не знаю, – растерялась Женя. – Если, конечно, сидел в ближайших кустах шиповника, то мог. Но ведь полиция все там обшарила и не нашла никого, кроме Гулякова. И то уже потом, после того как я ушла, его вытащили на свет божий! Вот уж кто видел убийцу, вот кого, если следовать детективным штампам, следовало убирать! Это Гуляков в опасности, а не я.

– Гуляков не в опасности, а в бомжатнике, – ответил Грушин. – Прошу не путать.

– А я была в парике! – радостно вспомнила Женя. – Исключено, чтобы он мог меня узнать, исключено!

– Убедительно, – согласился Грушин. – И все-таки, быть может, тебе быть осторожнее? Не оставаться одной дома, особенно по ночам...

– Собачку завести? – невинно предложила Женя. – Чтобы лаяла под дверью? Или кого-нибудь еще завести?

Она смотрела совершенно чистым, абсолютно невинным взглядом, однако Грушин резко помрачнел:

– Вообще говоря, я всего лишь имел в виду, чтобы ты позвонила матери в Москву и попросила ее приехать. А ты вечно все...

– Грушин, не злись, – устало перебила Женя. – Я страх как не выспалась: чуть не до утра изучала орхидеи по Интернету. А то, о чем ты говоришь... Не обижайся, но, по-моему, это пустышка. Да не видела я этого убийцу толком. Не видела! Рядом окажусь – не признаю. Ну что, мне об этом объявление на Городском форуме НН точка ру дать?!

– Правда не видела? – обрадовалась Эмма. – Вот и хорошо, вот и чудно. Меньше знаешь – лучше спишь. Кстати, о твоём злоумышленнике – я вот что вспомнила: с начала года во всех газетах проходила информация о каком-то маньяке, который вот такими же захватами за горло затаскивал женщин в подвалы и, слегка придушив, насиловал... Живыми, к счастью, отпускал.

– А, так это серия! – с нескрываемым торжеством воскликнула Женя. – Слышал, Грушин? Типичная серия!

– Ладно, серия так серия! – Грушин раздраженно стукнул по столу. – Ты, кажется, куда-то собиралась, агент Кручинина? Ну так иди, иди!

– Ну и пойду! – Женя рванулась из кабинета, но на пороге остановилась: – Грушин, не обижайся, хорошо? Я правда ужасно тронута, что ты так беспокоишься. За это я принесу тебе самую большую целогину!

– Что?!

– Тебе не нравятся целогини? Тогда каттлею. Ну, пока!

«Дендробиум, целогина, фаленопсис – это в Азии. Каттлея, эпидендрум, одонтоглоссум – в тропической Америке... Так, теперь еще не забыть все это!»

Женя потрянула головой и, приняв вид привередливой покупательницы, обернулась к молодому человеку, который проворно заворачивал в шелково шелестящую бумагу букет гвоздик:

– Э... как вас? Магазин называется «Орхидея», а где же сами орхидеи?

– Прощу прощения, – продавец неслышно скользнул к ней по сверкающему паркету, – ждем нового привоза. Пока у нас только ассеолярия, но она вон там, в отделе «Кухня». Пожалуйста, налево.

Магазин представлял собой как бы огромную квартиру – со спальней, гостиной, кабинетом, кухней и столовой, детской, ванной и даже мини-спортзалом. Каждое помещение убрано соответствующими цветами в соответствующих кашпо, горшках, подставках, вазонах... Был даже декорирован крошечный уютный дворик с клумбой и куртиной! А если учесть, что мебель кругом стояла самая натуральная итальянская дубовая и сосновая, да и весь декорум: ковры, лампы, обои, безделушки, посуда – тоже был настоящий, лучшего качества, оставалось только головой качать, представляя, в какую денежку все это влетело. Впрочем, похоже, расходы окупались: торговля шла весьма бойко, и хорошенькие продавщицы в изысканно-лиловых платьях трудились как пчелки, подбирая и заворачивая букеты, упаковывая цветочные горшки, давая консультации по оформлению интерьера и мило, зазывно улыбаясь. Под сенью девушек в цвету имелся только один мужчина, и с ним-то говорила сейчас Женя. Это был молодой брюнет, сочетавший в облике утонченность и распушенность. «Правда, что балерун!» На черном коротком жилете, затканном серебряными цветами и надетом поверх черной же шелковой рубахи, золотом вышито: «Артур Алфеев, главный менеджер». Блестящие зачесанные назад волосы, точеные черты, нарядные ресницы, серебряная серьга в ухе... И при всей своей приторной сладости это, конечно, существо мужского пола: обольстительная ласковость так и льется из жуликоватых черных глаз!

– Нет, – упрямо сказала Женя, гоня прочь невольную улыбку, которая так и выскакивала в ответ на вкрадчивую улыбку Артура, – мне не нужны цветы для кухни. Мне нужны цветы для... для будуара!

Это ей только сейчас пришло в голову. Однако нельзя было позволить Артуру обнаружить полное несоответствие между этим изысканным словом и небрежно-джинсовым обликом покупательницы, а поэтому Женя поспешила обрушить на его голову поток информации, от которой, она знала на собственном опыте, свежему человеку не поздоровится:

– Что-нибудь из летающих орхидей: ванду, арахнис, онцидиум...

– Летающих? – запнулся Артур. – Но как же... где же...

Можно было спорить, что он хотел спросить: где конкретно будут летать орхидеи – в квартире или на улице?

– Я имею в виду, – снисходительно пояснила Женя, – тропические роды с воздушными корнями, при помощи которых они добираются до вершин деревьев и выносят на свет свои цветы.

Конец цитаты. Главное – вовремя остановиться: за ночь Женя набила свою головушку таким количеством орхидейной информации, что теперь она на полную катушку сплеталась всеми своими родами и видами, размахивала воздушными корнями, выносила на свет свои цветы...

Лоск самоуверенности на красивом лице Артура несколько поблек.

– Прошу прощения, – пробормотал он, украдкой озираясь и явно мечтая ретироваться, – я не специалист в лазающих... то есть летающих... извините! Вам следует поговорить с хозяйкой, с Аделаидой Павловной, если угодно.

– Угодно! – радостно согласилась Женя, которая за этим и пришла в «Орхидею». – Разумеется!

– Мадам сейчас не может спуститься в торговый зал, – сообщил Артур. – Быть может, вас не затруднит подняться к ней в апартаменты? Вон по этой лестнице, а на площадке – налево. Благодарю вас, желаю удачи!

Мгновенно забыв про Артура, Женя ринулась вверх по лестнице, чувствуя себя естественным испытателем, который подносит к лицу неизвестный экземпляр орхидеи.

Что за спектакль разыгрывает Аделаида со своими бывшими актерами? Не задумала ли она поставить и в жизни некую трагическую пьесу? Уверенная в собственной недостижимости, не ведет ли она изощренную игру с «Агатой Кристи»? Каким сверхъестественным образом к ней могла попасть информация про человека, застрелившего Неборсина, – совершенно закрытая информация? А это щедрое желание спасти Климова – не есть ли оно простая обманка, отвлекающий маневр, призванный скрыть совершенно другие замыслы?... Ведь, кстати говоря, орхидеи издавна используются в изготовлении духов, на аромат которых по-разному и порою совершенно неожиданно реагируют не только люди, но и некоторые животные... кони, например!

Да, трудно угадать, пахнет ли сейчас на Женю от этой «орхидеи» гниющим мясом – или повеет тончайшим, изысканным ароматом.

«Private» – было выведено изысканными золотыми буквами на двери толстого богемского стекла, и Женя, невольно оробев, царапанула ее ногтем.

– Прошу, – отозвался женский голос, и Женя, толкнув дверь, очутилась в просторной прихожей, по которой к ней неторопливо приближалась инвалидная коляска.

Вот это да!.. Почему Климовы не предупредили?... Хотя откуда им было знать, что гостья рванет к Аделаиде! Но когда же с нею случилось несчастье? Ах, бедная женщина, с такой-то красотой...

Среди сонмища переполошенных мыслей, неприлично хихикая, промелькнуло недоумение: как же в таком случае все происходит между Аделаидой и Артуром, если она – инвалид? А вот все размышления о возрастных преградах вмиг улетучились, едва Женя взглянула в раскосые зеленые глаза. Да ей не дашь больше тридцати! Колдовское лицо. И даже эти веснушки, сплошь покрывающие щеки и лоб, кажутся потрясающе пикантными при черных, отливающих рыжиной волосах. Да уж, правда что – роковая брюнетка. От такой женщины запросто можно голову потерять!

– Так вы интересуетесь орхидеями? – ласково глядя на нее снизу своими изумрудными глазищами, спросила Аделаида. – Как это прелестно! У меня так мало единомышленников! И какие же виды вас особенно привлекают?

Женя растерянно моргнула, вспоминая, зачем сюда пришла. Вот беда: все, что еще недавно казалось прочно отпечатавшимся в памяти, вдруг улетучилось неведомо куда. «Жизнь растений» уверяла, что орхидей в мире существует до 800 родов и 35 000 видов, однако Женя не могла припомнить ни одного названия. Орхидеям часто давались имена богинь и красавиц – может быть, ляпнуть что-нибудь из «Словаря всемирной мифологии»? О, слава богу, что-то выплывает из бездн памяти!

– Интересуюсь, – отважно кивнула Женя. – Особенно интересуюсь ризантеллой Гарднера и криптантемисом Слетера. Они у вас в продаже есть?

Длинные ресницы опустились и поднялись, будто два опахала.

– Что-нибудь отыщем, – задумчиво сказала Аделаида и, ловко развернув коляску, въехала в открытую дверь, сделав Жене знак следовать за собой.

У той сразу разбежались глаза. Окна были завешены плотными тюлевыми шторами, но мягкого, рассеянного света вполне хватало, чтобы понять: она оказалась в антикварной лавке! Модерн начала века, слегка смягченный изобилием кружевных салфеточек и накидочек. На стенах множество фотографий – у Жени жадно застучало сердце. Никаких цветов, как это ни странно, даже орхидей нет. Впрочем, в углу вздымается из кадки громадный фикус. Жене показалось, что она очутилась в комнате старой актрисы, живущей только воспоминаниями. И даже лицо Аделаиды вмиг не то что постарело, но как бы подернулось патиной времени. Теперь ей можно было дать не только сорок пять, но лет на десять больше.

Женю как магнитом тянуло к черно-белым фотографиям, занимавшим дальний угол. Кажется, вот такой снимок она видела вчера у Климовых. Как бы к нему подобраться?

– Значит, говорите, для вашего будуара нужны непременно ризантелла и криптантемис? – Глаза Аделаиды не отрывались от лица гостьи. – К сожалению, этих видов у нас нет. Быть может, выберете что-нибудь другое? Скажем, американскую орхидею-бабочку или цирропеталум украшенный, похожий на колибри? Или масдевалию багряную?

Платье Аделаиды было точно такого цвета, как эта самая масдевалия на картинке в «Жизни растений»...

Женя испуганно стиснула руки за спиной. Под пристальным взглядом изумрудных глаз ее вдруг оставила всякая воля. Захотелось оказаться отсюда как можно дальше. Правду Валерия говорила: сущая ведьма эта Аделаида! А еще... еще она сказала, что Аделаида носит оптические линзы зеленого цвета!

От этой догадки Женя сразу почувствовала себя лучше.

– Если интересующих меня цветов сейчас нет, я могу зайти в другой раз, – вкрадчиво начала она, намереваясь вслед за тем сделать комплимент интерьеру магазина и квартиры, а потом поговорить о старых фотографиях, которые создают такой удивительный колорит.

Однако Аделаида печально покачала головой:

– Боюсь, я не смогу принять у вас заказ. Видите ли, ризантелла Гарднера считается эндемиком, исчезнувшим видом. А что касается криптантемиса Слетера... Вы, конечно, знаете, что орхидеи – космополиты. Они встречаются почти во всех пригодных для обитания растений областях, от Швеции и Аляски на севере до Огненной Земли и субантарктического острова Маккуори на юге. Это крупнейшее семейство цветковых освоило почти все экологические ниши на Земле... и даже под землей! Некоторые экземпляры так и называются: бесхлорофилльные орхидеи. Они лишены корней и листьев, а любоваться их цветочками возможно как минимум через хорошее увеличительное стекло. И если у вас есть такое стекло, а главное, если ваш будуар находится достаточно глубоко под землей, то вы вполне можете попытаться вывести в нем криптантемис Слетера – бесхлорофилльную орхидею!

Женя онемела. В основном от ярости на себя.

Это же надо... Вот так позор. Позорище!

– А не хватит ли валять дурака? – холодно спросила Аделаида, и ее рука скользнула под плед, прикрывающий колени, словно там был спрятан пистолет. – Вы что, наводчица? Имейте в виду, грабить меня уже пробовали. Здесь такая система сигнализации, что вам руки оторвет, прежде вы попытаетесь – просто попытаетесь! – что-то отключить. Впрочем... – она смерила Женю взглядом, – на наводчицу вы не очень-то похожи. Давайте выкладывайте, что вам нужно. Вроде бы я вас уже где-то видела. Или вы одна из этих дурочек, которые валяются в ногах Артура? Может быть, намерены выложить жалостную историю о своей беременности и будете умолять меня выпустить его «из своих когтей»?

Она хрипло, уничтожающе хохотнула, и Женя впервые заметила, что нос у нее и правда крючком, а губы – в ниточку. Это уже не пиковая дама – это баба-яга, о которой предупреждал Миша Сталлоне!

– Имейте в виду, таких историй я уже выслушала с десятков, не меньше, – не унималась Аделаида, и коляска начала угрожающе придвигаться к Жене... подползать! – Выдумайте что-нибудь получше, не то...

«Конечно, я могла бы свалить ее одним ударом, но не драться же с инвалидкой! – испуганно подумала Женя. – Она слишком разъярена, чтобы вести светскую беседу о фотографиях. Я все испортила. Что делать?!»

Аделаида нажала на ручку кресла, и сиденье медленно пошло вверх. Зеленые глаза гипнотически мерцали. Механизм коляски издавал тихое шипение, и Жене внезапно почудилось, будто перед ней вздымается огромная кобра, раздвывая свой капюшон.

Кобру надо бить прямо в лоб!

– А скажите, Аделаида Павловна, зачем вы звонили в «Агату Кристи» под видом Валерии Климовой? – спросила Женя самым скучным тоном, на который только была способна. – Неужели вам неизвестно, что телефонное хулиганство ныне квалифицируется как уголовно наказуемое деяние?

Кобра на миг застыла, потом капюшон ее опал, и она начала потихоньку опускаться.

– Ах вот оно что! – промурлыкала Аделаида, касаясь лба худыми пальцами, униженными перстнями. – А я-то голову ломала, где вас видела! Конечно, в манеже! Так это вас господин Грушин послал спасать Сережу Климова? Я-то полагала, он выберет кого-нибудь... – Она промолчала, только тактично пощелкала пальцами. – Впрочем, вы справились очень неплохо. И даже до меня добрались. Через Климовых, разумеется? У меня, признаться, мелькнуло такое подозрение, когда я заметила, какие алчные взоры вы бросаете на снимки того спектакля, но в тот момент я была слишком разозлена всеми этими ризантеллами и криптантемисами.

Женя обескураженно пожала плечами.

«В манеже? Она видела меня в манеже?! Но как она туда попала, с коляской-то?»

– Ну что же, – вздохнула Аделаида, откидывая плед и открывая прелестные ноги, обтянутые черными чулками. – Поскольку мы друг друга расшифровали, больше притворяться нет смысла. Так вы хотите поговорить о старых фотографиях? Тогда вперед!

С этими словами она изящно вскочила с кресла и легко направилась к стенке. Двенадцатисантиметровые каблукы делали ее походку просто неотразимой.

«Хочу быть роковой брюнеткой, и чтоб мне было сорок пять лет!» – с завистью подумала Женя и только тут до нее дошло, что, собственно, происходит... ходит...

Ох, Аделаида! Правильно предупреждали Климовы: артистка! Ну и артистка же!

Письмо шестое

Дорогой Эдмунд!

Я не нашла сил для устной беседы об этом. Ты знаешь, мне всегда было проще писать, чем говорить, поэтому я лучше постараюсь описать все, что меня терзало тогда и почему мысль о смерти казалась такой заманчивой. Я так хотела забыть всё, что причинило мне боль, всё, из-за чего я пожелала покинуть дом и остаться одна, что как бы отвлеклась от жизни, пыталась убежать от нее. А куда можно убежать от жизни, если не в смерть?

Смерть – это лучшее из утешений, которое только может быть, думала я. Все проходит! Все беды минуют, обиды иссякнут! Стоит осознать это – и легче становится на душе.

После смерти человеку уже ничто, ничто не интересно! Враз обесценивается все, что еще вчера составляло глубочайший, сокровеннейший смысл его существования. Даже чувства. Даже душевные движения и высокие помыслы! А главное, утихает любая боль. Телесная и душевная.

Природа дала нам возможность не думать о смерти, потому что если бы мы о ней думали, то всю жизнь пребывали в оцепенении страха. Но в жизни нет ничего торжественнее смерти. Она всесильна, она умирывает все страсти. Она неумолима. Если не взмахнула своей косой вчера, то взмахнет сегодня или завтра. Но до чего же неожиданно приходит это «завтра»! А если человек выбирает час своего ухода сам, значит, он становится хозяином своей судьбы. Эта мысль успокаивала меня и вселяла в меня гордость...

Мне очень тяжело как бы заново переживать прежнюю боль, прежние сомнения и надежды, поэтому прости, Эдмунд, если я закончу в следующем письме.

Твоя Агата

– Это было пятнадцать лет назад. Я тогда руководила студенческим драмкружком в Хабаровском пединституте. Почему-то вся труппа у меня подобралась с инфака. Я приехала из Москвы, Хабаровск казался мне ужасающей деревней, а с этими ребятками хоть как-то можно было общаться. Это был самый престижный факультет в городе, с огромным конкурсом... Ребята привыкли смотреть на себя как на элиту нации, тем паче что происходили не из самых простых семей: спецкоры центральных газет, всяких крутых мэнов местного разлива... Дети были выхоленные, приодетые, а чтение английской литературы в подлиннике сделало их настоящими эстетам. Я была такой же эстеткой, только еще хлеще. Мы с ними вполне спелись, несмотря на десять лет разницы. И для постановок своих старались выбирать нечто этакое, не для «общепита»: к примеру, инсценировали отрывок из «Мартовских ид» Торнтон Уайлдера, а то варили какую-нибудь кашу из Борхеса. Я сама прикладывала к этому руку и как-то раз прониклась к себе таким уважением, что подумала: а почему бы собственную пьесу не написать? Да неужели я... шапками закидаем! И все такое. Я надеялась издать нечто столь величественное, что и в столице прогремело бы. Однако наяву пришлось довольствоваться иным составом.

Аделаида сняла со стены уже знакомую Жене фотографию:

– Вот они мы. Теперь-то иных уж нет, а те далече... Итак, пьеса. Один мой бывший московский любовник, журналист, однажды был в Лондоне в служебной командировке и привез оттуда любопытный сборник пьес. Может быть, это апокриф, точно не скажу, однако издатели уверяли, что это неудачные опыты знаменитых писателей. Были там совершенно безнадежные

с точки зрения драматургии Сомерсет Моэм, Ивлин Во, Грэм Грин, Дафна Дюморье и все в этом роде. А еще была пьеска, которая приписывалась Агате Кристи. Якобы она сотворила ее в декабре 1926 года, когда исчезла из дома, потрясенная изменой своего первого мужа, а потом нашлась в Харрогейте. Современные ей врачи диагностировали травматическую амнезию, проще говоря, ударила дама головой и обо всем забыла, но позднейшие исследователи сочли, что это диссоциативная fuga – та же амнезия, но вызванная тяжелым психическим расстройством. Очень многие навыки человек в это время забывает, даже почерк у него меняется! Рукопись пьесы «You lost, Death!» – «Ты проиграла, Смерть!» – была словно бы написана и Агатой Кристи, и не ею. Она никогда так не возвеличивала смерть в своих произведениях, но есть основания думать, что в те несколько дней тяжелой депрессии она размышляла о самоубийстве, даже пыталась его совершить, но ей это не удалось, и она считала, что смерть от нее отступилась. Она стала фаталисткой, и даже в войну, когда Лондон бомбили, никогда не спускалась в убежище. Кстати, прожила восемьдесят пять лет... Впрочем, пусть окончательно литературоведы решат, в самом деле это пьеса Агаты или нет. Меня это никогда не интересовало. Во всяком случае, издатели слупили немалые деньги на том сборнике, однако, поскольку все пьесы были очень так себе, их никто не ставил. То есть мне постановки неизвестны. На русский язык пьесу не переводили. Но я рискнула, мечтая о мировой славе – режиссерской и переводческой. Но жизнь сунула и меня, и всю мою труппу мордами в такое... в такое... Ну, вы поймете, почему о мировой славе я быстро забыла и свой перевод вместе с оригиналом сожгла. Искупить свой грех надеялась! Или от судьбы откупиться, скорее всего. Не удалось... Не удалось!

Аделаида мрачно потупилась и продолжила:

– Но вернемся к делам давно минувших дней. К этой проклятушей пьесе! В некоем абстрактном салуне встретились покидать в цель дротики (в оригинале метали ножи, но освоить дротики для моих актеров было проще) несколько человек. А хозяйка заведения – ее играла я, собственной персоной, – недавно чудом спаслась от смерти и в честь такого события поставила в своем салуне скелет, на груди которого укрепила метательный круг. И тут выясняется, что всем собравшимся тоже удавалось обмануть смерть. Каждый рассказывал свою историю, потом вставал, брал одну стрелочку и, восклицая: «Ты проиграла, Смерть!», – бросал ее в грудь скелета. Все попадали в десятку – натренировались! Строго говоря, самыми выигрышными моментами спектакля были истошные вопли, которые при этом раздавались, и молнии, которые периодически сверкали. Скелет дергался, шевелил руками и ногами, тряс головой – и жутко выл. Трепетала, словом, Смерть от человеческой смелости и лихости. А когда Кирилл Корнюшин бросал последний дротик, слышался совсем уж жалобный вой, и смертушка-скелетушка рассыпалась на составные части. В этом и состоял жизнеутверждающий пафос этой белиберды.

А теперь немножко про ребят, про моих героев и героинь.

С Серегой Климовым вы уже знакомы. Его персонаж – жокей – падает в разгар скачек, кони бьют его копытами, но он чудом остается жив, потому что готов лучше умереть, если не сможет продолжать скакать. В этом был особый смысл каждой роли: если человек не дорожит жизнью, он становится неинтересен Смерти, и та отступает от него.

Саша Неборсин... – Аделаида со вздохом погладила мизинцем лицо наглого ковбоя на фотографии. – Наш Казанова! Парень был совершенно неотразим, даже я видела его в грешных снах. Потом сны стали явью, но почему-то большой радости это не принесло. Но я Сашу не забывала, и когда узнала, что он тоже переселился в Нижний, втихомолку следила за его судьбой. Да вот не уследила!

Итак, Сашка Неборсин играл ковбоя, у которого хобби – русская рулетка. Знаете, что это такое? Пистолет заряжается одной пулей, человек крутит барабан, а потом нажимает на курок. Нет выстрела – выиграл. Есть – проиграл. По роли наш ковбой не проигрывал ни разу, а когда

все-таки единственный раз наткнулся на пулю, вышла осечка. То есть он тоже обманул Смерть, а потому имел полное право в моем салуне кинуть дротик в грудь многострадального скелета.

А это – Алина Чегодаева. Девочка была – оторви да выбрось. Но очень хорошенькая, как видите. И единственная из всех нас – по-настоящему талантливая. Ей была бы прямая дорога на сцену, но та история ее всю перевернула. Впрочем, это естественно, ведь трагедия произошла из-за нее... Она даже факультет бросила. Перешла в журналистику, живет теперь в Хабаровске... насколько мне известно, еще живет. Алина играла девицу легкого поведения, на которую призывали все кары Господни за ее грехи. Однажды ее ударило молнией, ну насквозь прошло, до того, что туфли сгорели, – а она, поди ж ты, осталась цела и невредима.

Кирилл Корнюшин – вон, с Алиной обнимается, – тоже пока жив, тоже остался в Хабаровске. Кирилл единственный, по-моему, оказался способен понять, что происходит. Во всяком случае, я ничуть не удивилась, когда узнала, что он бросил преподавание в школе и перешел работать в бюро ритуальных услуг. Ведь в нашей пьесе он играл человека, который уснул летаргическим сном и был заживо похоронен. Проснулся в гробу... жуть, правда? Однако его не успели зарыть окончательно и вовремя спасли.

Теперь о них, – Аделаида показала на парня с увесистыми кулаками и автогонщика. – Игорь Стоумов изображал профессионального драчуна, который обожал демонстрировать свою силушку и знай только улыбался после каждого удара. Дурацкая роль, однако внешне очень эффектная, потому что Игорь по ходу действия демонстрировал разные забойные приемчики рукопашного боя. Коля Полежаев играл гонщика, разбивавшего свои машины, горевшего, переломанного, – жившего, словом, на лезвии бритвы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.